

15 1962
МЕНА

РАБОЧАЯ

Ф. РОДИОНОВ

Фото А. КАНАШЕВИЧА.

Звуки «героической симфонии» нарастают, становятся все мощней и мощней. Они рвутся из алюминевых репродукторов, подвешенных почти под самым потолком цеха. Они заполнили весь пролет. И цеховые шумы впитались в бесшумную симфонию Бетховена. Звучат валторны, звонят краны, напряженное жрецисто скрипят, дробь, фрез, грохот карусельных станков сливались в одно нерасторжимое целое, и возникла живая музыка, иное искусство, в котором рождались не только электрические машины, но прекрасной, сильнее становился человек. Бетховенская музыка лишь подчеркивала, обнажала людские ритмы труда, которым жили цех, станки, люди. А через весь пролет — полотно: «Участок борется за звание коллектива коммунистического труда».

Первые меня привел на участок крупномеханической обработки комсорг цеха Юрий Соколов.

— Понимаешь, пятьдесят молодых людей на участке, и что ни рабочий, то представитель Советской власти, — говорил мне Юрий Соколов. — Почему заблужд! Нисколько. Пятьдесят. Здесь вся Советская власть — от депутата до дружинника. И плюс электрификация всей страны. Ведь на всех крупнейших электростанциях — наши генераторы! Понял? Вот так, Советская власть плюс электрификация.

И вот я уже неделю на этом участке, где воздух насыщен запахом горелого машинного

масла и нагнетанного металла, в ритм работы строена, как партитура Бетховена. И у меня нет оснований сомневаться в верности слов комсорга. Я знаю, в начале участка, где свалены черные, грубые заготовки из кузнички и со сварки, стоит в лестной толпа вышедших, депутат Московского райсовета Толя Леонтьев. Потом заготовка идет на расточный станок, за которым работает Юра Осипов — председатель цехового отряда «Комсомольского проектора». От него она переходит к фрезеровщику — рабочему Толе Иванову. Потом попадает в руки члена постоянного комсомольского поста Марка Фельдмана, затем за нее бе-

рется дружинник Миша Груничев, Саша Колесников, Миша Окунь, пионервожатая Нина Ивановна... Идут заготовки от станка к станку. И у каждого станка стоят рабочие люди, которые заседают в Советах, контролируют производство, беспощадно борются с тушежданиями и хулиганями, воспитывают детей... И я думаю о том, как неожиданно просто рухнет создававшаяся веками грань между производителем и управлением. Пятьдесят простых советских рабочих — пятьдесят представителей Советской власти.

Пронзительно гудит гудок. Это конец смены. Мы выходим с ребятами из цеха на за-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

15 АВГУСТ
1962

Год издания тридцать девять

СИМФОНИЯ

водской двор. Двор как двор: просторный, с юркими автомобилями и с ивовыми тополиной листвы на ветру. Чтобы пересечь его, нужно пятнадцать минут. Мы же шагали через чужие полсотлетия. Работяга говорит: «Видишь, вот там, у серой стены, собирались стачечники. А вот через те ворота уходили в гражданскую наши красногвардейцы. А в блокаду сорок первого сюда упало полторы тысячи бомб и тысяча сто снарядов... Нет, не там-то просто рухнула грань между производителями и управленцем... Полсотлетия, равные по емкости эпохе, пронеслись над страной.

Время... Говорят, что оно старит. Но бы-

вает и наоборот. Вот мы идем с Толей Леонтьевым по улице имени Волкова, вдоль домов-новостроек, нависших на широкую ленту асфальта. А ведь года два назад эта улица своими узкими и ритмичными напоминала морщинистое старушечье лицо. Один из «вновьников» ее второй молодости — Анатолий Леонтьев. Ведь это он — депутат улицы Волкова — «пробыл» в горсовете план реконструкции проспекта, добивался асфальтирования, ремонта домов.

Но улица Волкова — это уже вчерашний

Молодые рабочие решили: оснастку станков — под луп «Комсомольского проектора». И вот комсомолец чеха Юра Соколов, товарищ Борис Коротков, фрезеровщик Юра Осипов и слесарь Халил Забиоров беседуют с заместителем начальника цеха К. Д. Александровым о внедрении нового реза.

Депутат Анатолий Леонтьев.

деня Анатолия... А нынешний — вот он, распахнулся перед нами белесой синью летнего неба. И в эту синь словно врезаны десятки белоснежных домов, а над ними фантастическими железными птицами — ажурные краны.

— Когда-то здесь была городская свалка. Мы пахалим тут в «казанов-разбойников» иррали, — говорит Толя.

Кажется, совсем недавно он вместе с другими депутатами обсуждал план застройки бывшей свалки. Дома на плане были меньше спичечных коробок. А сейчас в них уже живет девятидесятилетнее веселое племя новоселов. Строительство же все продолжается. Откуда-то из поднебесья, с крана, несется звонкий гоносок:

— Иваныч, депутат на горизонте!

А вот он и сам, Иваныч, десятник участка, спешит навстречу Анатолию. Он ведет его по участку, беспечно оглядываясь. И не зря. Целый взгляд размытчика замечает даже самые неяркие неполадки.

— Опять рамы без навеса лежат, а потом раскошуются... — хмурится Анатолий.

— Ах ты, боня ты мой, разве за всем доглядим! Прикинь, непременно прикинь, Анатолий Васильевич, — бормочет десятник. Но он чувствует, что настоящая гроза еще апереди.

Мы входим в почти отстроенное здание детского сада. Тишина. Лицо Анатолия темнеет.

— Где же рабочие!

— Трест сбил. Перевосбил на жилье. С жильем у нас ладан срысается. — Иваныч безуспешно пытается сглатывать со сплевывания загощенные пыткишки извастки.

— Что ж это, за счет работы пытается план натянуть! Не выдет!

И вот уже Анатолий «висит» на телефоне.

— Слышите, не выдет у вас этот номер! Сейчас же верните рабочих на детсад. Я уже в Совете говорил и сейчас повторяю: жилья будде принимать только вместе с детсадами и ислам!

И Анатолий долго респавает трестовского работника. Он немолчали. Он говорит от имени Советской власти.

— Вот они идут, товарищи Анатолий по труду. Идут по заводскому району. На руках у них красивые повязки дружинников. Впереди врзвалку широко ступает бывший моряк Миша Груничев. Глубоко засунув руки в карманы, ступил, идет Миша Окунов. Рядом солонит в модном популаще его ученик Саша Колесников. Не торопясь, словно дела обход чеха, шагает технолог Леонид Бурак, старший группы.

Уже час зомия в с ребятами по улицам Московского района. Никаких происшествий. А ведь еще два года назад считалось, что у этого района очень «тяжелый характер»... Идут дружинники по улицам, и прохожие — народ то-

же заводской — перебарываются с ним шутками.

Никанх просят... Мы заходим на рынок. Заведен парней с глазами прищипанными повязками, никто не пытается выругать в толпу, никто не прачет с лихорадочной поспешностью «подпольный» товар... А совсем недавно этот рынок был местом сбора спекулянтов.

— Все «делом» или «ветер» султан? — смеется директор рынка. — Сейчас полный порядок.

Никанх просят... Сворачиваем с тротуара Московского проспекта в тушинское дворце, по круглой лестнице поднимаемся на пятый этаж. Дверь открывает содлая женщина.

— Пройдите, пожалуйста... — Да нет, мы на минутку... Как дела? — Спасибо вам, ребята. Отстегиваю вродо Петру...

На обратном пути я узнаю, что с этой женщиной ребята познакомились еще зимой. Рыда, она осталась на их улице:

— Укажите окаянного, всю посуду побили... Когда вбежали в квартиру, увидели разбушевавшегося пьяного парня — сына Марии Александровны Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

Никанх просят... Мы подходим к парку Победы. Тоненькие тополя трещат на солнце. Обычно тут собирались окрестные пионеры, устроившие здесь своеобразный «клуб» Петра Орешкина. «Братеньки погорюжим они тогда с ним. А потом еще побились на его заводе. И вот теперь они изредка заходят к Орешкину узнать, как парень держит сполох».

инграда. Николай Александрович тоже совсем молодым пришел на завод и начал простым фрезеровщиком, потом, как Юрий Соколов, учился без отрыва от производства. И вот теперь стал начальником цеха. А его товарищ стал начальником цеха. А его товарищ стал начальником цеха. А его товарищ стал начальником цеха.

Николай Александрович отрягает от блокнота взгляд и заключает:

— Все правильно. Спасибо, комсомол. Собрать цеховой актив — разберемся...

А мне в это время на секунду приходит в голову совершенно нелепая мысль: а что, если бы тот там, допустим, где-нибудь в США рабочий начал вымахивать в долгу начальства? Что было бы? И тут же вспоминаю — было, было такое в Детройте, на фордовском заводе. Вмешались однажды рабочие и на следующий день оказались на улице без работы.

Вот тебе и свобода! Что ж, видно, не случайно сейчас многие американские социологи утверждают, что свобода — это всего лишь умиротворение человека, а не его политические и социальные права. Ненки Хинд так прямо и пишет об этом черным по белому: «Свобода — это скорее психическое и духовное качество, нежели процесс социальной организации».

— Все это очень изрядная софистика. Свобода без права — генератор на холостом ходу. Вдрут крутятся, а толку нет... комментирует слова Хинда «пресс-аташе» участка фрезеровщик Толя Иванов. Толя — студент факультета журналистики Ленинградского университета. А сегодня на цеховом стенде я видел заводскую монографию с его заметкой. В ней он «спустил» руководство за небрежное отношение к рационализации. Мы сидим в тихой конторке цеха. За распахнутой дверью трудяги-краны плавно несут по воздуху массивные тела валов будущих электромашин, шипящих крикливыми агрегатами.

— А ты возьми ребят с нашего участка. Ведь ты ж настоящее правительство! Да ты не убивайся. Шутка шуткой, а ты смотри: есть у нас свой президент — Толя Леонтьев, министр просвещения — Никя Иванов, председатель госконтроля — Марк Фельдман, комиссар милиции — Миша Грунчев, Саша Колесников, Миша Окунь, министр машиностроения — Юрка Осипов...

Слова Анатолия покрывает грохот крана, производящего над ним. И пуская не слышно сейчас бетовые насосы, я все равно очень остро ощущаю мощные ритмы труда, которым живет цех. Плынут от станка к станку заготовки. С фрезерного на токарный, с токарного на расточный, с расточного на сверлильный... Рождаются электромашин, которым завтра крутятся валы прокатных станов, выдают на-гора уголь, дают силу тысячам больших и малых механизмов, двигают поезды.

Ритмы труда захватывают, ритм здесь больше, чем просто рабочий процесс. Он делает людей строже, подобранным, зрелым. Дает им силу и мудрость. И они управляют государством, реконструируют производство, борются с беспомощностью, растят пионерскую смену.

И на память приходит слова еще одного молодого на Западе социолога, Уилфреда Троттера: «Мы не видимых, вынужденных принять ужасную гипотезу, что в самом основном состоянии всех человеческих социальных условий заключен принцип смерти, что не существует такого прогрессивного импульса, который не истощал бы».

Диняя гипотеза! Она могла родиться только в мире, где труд принижено до роли слуги капитала, подчинен алчности и стяжательству. И как это здорово, что вышедший из нашей жизни человек поднимает гипотезу! Потому что немиссимальным импульсом нашего общества является труд.

Пятьдесят простых советских турбинеров — пятьдесят преданных Советской власти. В недрах коммунистического труда рождается не только самая высокая производительность, не только новый рабочий, но и прообраз будущей общественной организации коммунизма — рождается подлинное народолюбие.

История, рассказанная общероком пограничных войск

СЛЕД

Все началось так...

На складе я получил обмундирование. Черные брюки, черные Боткин, синий ивель, анималку, белую сорочку, перчатки. И погоны. Два золотых прямоугольника с узенькой черной полоской по середине, обшитые по краям зелеными кантиками. Они, эти зеленые кантики, решительно меняли тебер все мою жизнь. В течение каких-то минут они превращали меня, известного и маме, и товарищам, и девушкам как просто Володюка, или Володеньку, или в лучший случае Волода, а офицера пограничных войск СССР, штурмана морских портов, лейтенанта Владимира Минькевича. Это получилось как-то удивительно просто и в то же время, хоть я давно ждал этого момента, очень несомненно для человека, пограничных войск СССР, штурмана морских портов, лейтенанта Владимира Минькевича. Это получилось как-то удивительно просто и в то же время, хоть я давно ждал этого момента, очень несомненно для человека, пограничных войск СССР, штурмана морских портов, лейтенанта Владимира Минькевича.

Я еще не очень точно представляю себе, что такое служба в пограничных войсках. С этим неясным представлением, с тщательно упрятанными во внутренних карман комсомольским билетом, дипломом и направлением в часть, да еще, пожалуй, с чрезмерно горя-

ОБЫРЬВАЕТСЯ У МОРЯ...

Анатолий РОМОВ

Фото В. МИШИНА.

чим желанием скорее стать своим человеком в этом еще таинственной для меня краю нашей земли, который зовется государственной границей, я еду на Балтику. Это происходит поздней осенью, в ноябре 1961 года. Я еще не знаю, какие испытания ждут меня впереди, не знаю, что через несколько месяцев мне придется с пистолетом в руках, в красном спасательном жилете спрыгнуть на палубу корабля. Нет, ничего этого я пока не знаю. Я только могу, наблюдая из окна вагона за блестящими осенними пейзажами и акваретными мазками Прибалтики, вспомнить прошлое — и то не все, а самое главное — то, что прочно удержалось в памяти...

В Удельной идет дождь

В Удельной идет дождь. Типичный подмосковный, пахнущий мокрой землей, прельсо, поджогшими шпалами и чуть-чуть гарью костров, что жгли перед дождем на присудебных участках. Я стою на полупустом и внимательно оглядываю людей, растянувшихся неровной толпой по краю платформы. Ждут поезда, и мне нельзя упустить из виду трюки — поспоную мужчине в светлом плаще и с чертежным рулоном под мышкой, девушку с милом вздернутым

носиком — она почему-то не открывает зонт, а держит его в руках — и старшущую с кошелкой, из которой торчат батоны. Мне надо заметить, в какие вагоны эти трое садут, запомнить и даже, если я не полагаюсь на память, описать потом все точные приметы. Поезд должен подойти с минуты на минуту...

Начинается осень; я учусь в девятком классе и живу под Москвой, в Удельной. Мне шестнадцать лет. Я все взвесил и решил, дорога выбрана: я буду учиться на пограничника. Поэтому я стою на платформе и тренирую свою память на наблюдательность.

Не думаю, что это игра — стоять на платформе. Это очень серьезно. Настолько серьезно, что об этом не знает никто — ни друзья, ни родители.

Мама, например, убеждена, что я должен поступить в МГУ, на геофак. Но я уже давно решил по-иному...

Зимой на Дальнем Востоке погиб офицер пограничных войск Владимир Минкович, мой отец. Его судно, возвращаясь с ответственного задания, потерпело аварию и пошло ко дну. Отца удалось подобрать и доставить на берег, но спасти не удалось: он умер в госпитале...

Трудно вспомнить об этом, еще труднее рассказывать. Но этого я никогда не забуду...

Пограничником был не только мой отец, но и дед, Кирилл Минкович. Так мог ли я отступить от семейной традиции?

Перед экзаменами на аттестат зрелости я послал документы в Ленинград, в прямую комиссию военно-морского пограничного училища. И скоро получил вызов на экзамены.

Мама об этом не знала. Пограничник, другая моего отца, по моей просьбе «подотлаивали» ее к этому известно. Но до самого последнего момента, до моего отъезда в Ленинград, она надеялась, что я буду поступать в МГУ.

И вот я в училище. Годы учебы, практика на кораблях, учебное плавание вокруг Европы...

И все это уже в прошлом. Все это только в памяти. А я сижу у вагонного окна, слезу за улывающимися назад прибалтийскими лесами, и мне уже не хочется вспоминать. Мне хочется думать о будущем...

Могли не проверюется

Другой поезд. Другой встречный автор. И другой, совсем другой человек стоит у вагонного окна. Он ничем не отличается от остальных пассажиров. Столько же, как и другие, стоит у окна в коридоре, меланхолично разгля-

дивая взмокнуше и озябшие осенние деревья. Не чаще, чем все, ходит в вагон-ресторан и, возвращаясь оттуда, не больше остальных курит, деликатно выпуская дым в сторону от соседа.

По виду, по документам, по односторонним ответам нельзя определить ни его характера, ни точного возраста, ни того, о чем он думает. Он ничем не примечателен — больше сказать нечего. Обычный турист. Об этом сообщают проездные документы, путевки и билеты, которые величливо и внимательно просматривают советские, польские, немецкие проводники, таможенники, пограничники на всем пути следования поезда Москва — Берлин.

Минск... Брест... Варшава. Чем ближе к Берлину, тем спокойнее и неприметнее человек. Только курит он чуть чаще, и, если внимательно следить, больше стали пересекать губы. Тамневет. В черняющем стекле смутно отражается его лицо. Абсолютно никаких примет. Разве только чуть заметный шрамик возле левой брови, у виска — след драки в далеком детстве. Через несколько месяцев это примет будет различимо, ее повторят десятки фотографий...

Утром его встречает шум берлинского вокзала. Турнистский автобус, знакомые витрины и вывески чистых и широких улиц, чамодан, брошенный на кроветь в

номере большой гостиницы. И настойчиво — остаться одному.

Но, оказывается, это совсем просто — остаться одному, и еще проще — очутиться в западном секторе.

И вот они сидят наконец друг против друга. Он глядит на этих людей и удивляется, до чего же все просто в жизни. Вот так все и происходит — запросто, будто между прочим. Он берет предложенную сигарету, прикуривает. Слушает. Задание кажется несложным. Как-то записать, кое-что запомнить. И все. Правда, ему делят понять, что, если он сделает что-то больше, жалеть об этом не придется...

Через несколько дней поезд Берлин — Москва мчит назад. Поздней Варшава, а вот и Брест. Снова пограничник, таможенник... Он чуть заметно усмехнется: осматривайте, осматривайте. Мозги не проверяются...

Это верно. Мозги не проверяются. И пограничники жаждут ему другого пути, а поведенье радиоуловил берет старье, давно известные пластинки. «Любимая, знакомая, широкая, зеленая...», «Не нужен мне берет турецкий...»

ми уснами, капитан третьего ранга — я сразу понимаю, что это командир — ждет, пока я поднимусь на мостик, смотрит на меня, потом улыбается, говорит отрывисто:

— Отлично, штурман. Что ж, поздравляю вас.

Я оглядываюсь. Сзади стоят еще два офицера. Один — худощавый телеграфный старший лейтенант, на лице которого выделяются заостренные скулы. Другой, тоже старший лейтенант с инженирскими молоточками на погонах, незаметно подмигивает мне: поплаваем, друг!

Беру свой чемодан, хочу спуститься вниз. Пусть мне покажут мою каюту...

— Штурман, вы куда? А работа?

— Но я... Мне кажется, что я ослышался. Я никак не ожидал этого. Я думал, что мне для два-полтора, ну, хотя бы день дадут отдохнуть, оскотряться, прыгнуть к кораблю. И вот — на тебе. Не успел ступить на палубу — берись за работу...

В растерянности, так и забыв чемодан на палубе, я спускаюсь в штурманскую рубку — она тут же, под мостиком, четыре ступеньки

вниз. Травяно, отрывисто заговорил репродуктор:

— Боевая тревога... Боевая тревога... По местам стоять, со швартовных сниматься... По местам стоять...

Не успевало опомниться, как мы уже в море. Стою на мостике, немудро наляпав на плечи подобранный мехом корабельный реглан-штормовку. Берега уже не видно. По отдаленным словам догадываюсь, что береговой пост сообщил о возможном нарушении и что это первый случай нарушения границы за последние месяцы.

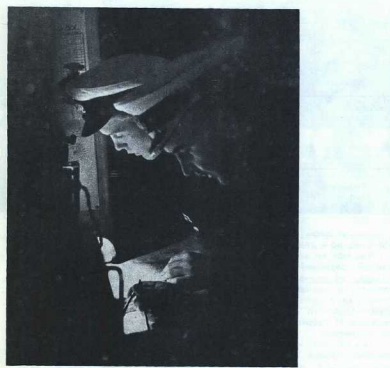
«Анну-Марию Р.» — аккуртаную, с хорошими обводами корпуса, белую промысловую шхуну мы обнаруживали довольно легко. Еще когда она была скрыта в тумане, я по локатору определял ее местоположение. Она шла на расстоянии около восьми миль от берега, значительно углубившись в наши территориальные воды. Что ей было нужно? Это-то и должна была вынести осмотрава группа во главе с помощником командира корабля — тем самым скулястым и худощавым офицером, которого я видел утром.

Я стоял на мостике и разгляды-

вал шхуну в бинокль. Волновался ли я? Да, конечно. Но только сейчас, несколько месяцев спустя, я понял, что значит настоящее волнение. Я понял, что если обычно человек, впервые приступивший к работе, машина волнуется, то на границе — наоборот. Новичок еще не умеет волноваться, он еще не научился волноваться по-настоящему.

Я тогда волновался, но даже и не подозревал, что настоящему, профессиональному волнению меня сможет научить только опыт, только жизнь на границе. Мне предстояло узнать, что постоянное волнение, ставшее обычным состоянием, постоянное напряжение сил помогают пограничникам обнаружить, задержать и обезвредить нарушителя, когда бы он ни появился и в каком бы виде ни пытался пройти границу. Но в те несколько часов, начавшихся в момент, когда в утреннем тумане нам открылся силуэт «Анну-Марию Р.», и до того, как мы привели ее в один из портов на побережье, я рассуждал совсем иначе.

Правда, я немного растерялся, а в какой-то момент даже испу-

«А ну-ка, штурман, прокладочку!» — говорит лейтенанту Шинкевичу командир корабля капитан 3-го ранга Пименков.

Да, это был другой поезд. Другой встречный ветер. И другой, совсем другой человек у окна...

«Анна-Марию Р.»

26 ноября. Раннее утро. Холодно, сыро. Я стою на влажном бетонном пирсе военно-гавани города И., одного из тортовых портов Прибалтики. Вдали — приближающийся с каждой секундой силуэт корабля. В тумане вырисовываются контуры Бовой рубки, мачты... Это мой корабль. Выступил шлейф черного дыма, он идет к причалу. Подъемы и закреплены швартовы, спущен трап.

Очень высокий, немного полноватый, с небольшими аккуртан-

виниз по трапу. Алексей Дмитриевич Пименков — так зовут моего командира, — спустившись со мной, помогает мне достать карты. Циркуль, линейку и карандаш я захожу сам.

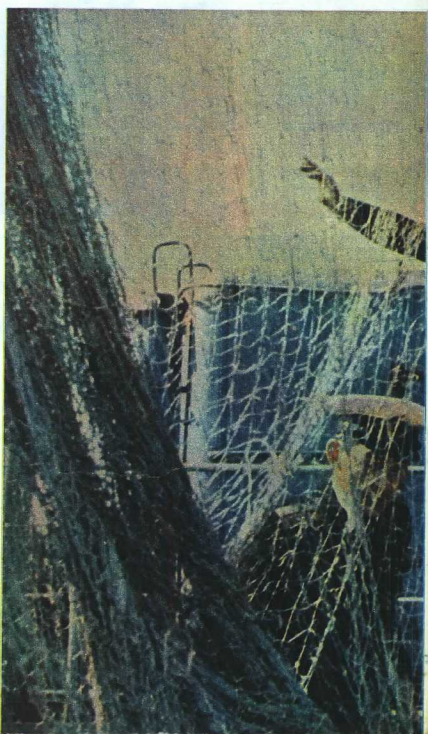
— Значит, поработаем, штурман! — говорит командир.

Я закусьваю губу, включаю лампу над столом, прилаживаю кальку.

— Значит, прокладочку, как всегда, — слышу я за спиной голос командира, и мне кажется, что он улыбается. — Обратите внимание на сорок парашей кадрат...

Я оборачиваюсь — нет, командир совершенно серьезен. Снова склоняюсь над картами, и вдруг...

— Дзу-дззу-дзу. Дзу-ззуу... Прям над ухом режале, короткие

гася, но волнения — настоящего волнения — не было.

Мы подали на шхуну сигнал: «Застопорить ход, поднять государственный флаг! Видимо, у нашего корабля был внушительный вид — приказ был немедленно исполнен. Шхуна легла в дрейф, на первой минуте медленно поплыла вверх маленький флаг одного иностранного государства. Теперь предстояло сделать главное — высадить на борт шхуны осмотровую группу.

Было сильное волнение. Подлетая на кружной волне, наш корабль все ближе и ближе подползал бортом к «Аине-Марин». Старший лейтенант Сонин и пятеро матросов, вооруженные пистолетами и одетые в красные спасательные мадунные жилеты — необходимая принадлежность осмотровых групп, — стояли у леверов, молча наблюдая за шхуной. Они должны были выбрать удобный момент и прыгнуть на борт шхуны — прыгнуть все вместе и так, чтобы не сорваться в море, не попасть между бортами корабля и судна-нарушителя.

Удаться или нет? Большая волна мешала подойти, казалось, что

Корабли выходят в дозор...

вог-вог проноидает самое худшее — мы навалились бортом на шхуну, разобьем и ве и себя.

— Пошел! — вздрог, когда я меньше всего ожидал этого, негромко крикнул Сонин. Все шестеро перелетели через полосу воды, отдаляющую нас от шхуны. У меня сжалось сердце — ноги одного из матросов соскочили с узкого привального бруса шхуны. Он не рассчитал прыжок и сорвался вназад. Его спасла цепкость: он повис на левере, и скоро сосед помог ему выбраться на палубу.

И тут я вздрог перестал волноваться. Сонин передал нам, что «Айна-Мария» — рыболовная шхуна, экипаж — четыре человека. Сети и снасти мокреют, в трюме обнаружено значительное количество только что выплывшего лосося. Рыба, конечно, была добыта в наших водах.

Смелый прыжок — и осмотровая группа на палубе нарушителя. Крайний слева — старший лейтенант Сонин.

В порту, куда мы доставили шхуну, мне пришлось изрядно попотеть, составив подробный отчет о задержании. Сидя за этим кропотливым делом, я поневоле изучал ее детали происшествя. Они меня мало радовали... Единственный нарушитель, пойманный на границе за долгие месяцы, оказался самым заурядным браконьером! Обнаружение и поимка его, если не считать высадки осмотровой группы, оказались сон-

всем не сложным делом. Не было даже намека на сопротивление. Капитан шхуны полностью признал свою вину и был готов уплатить штраф. Вот тебе и задержание!

Я учусь волноваться

«Товарищ лейтенант, — осторожно говорит кто-то наверху! — Шесть тридцать, товарищ лейтенант...» Это я слышу во сне. И внезапно, спохватившись, что это не сон, резко поднимаюсь, сажусь. Тряса головой, пытаюсь сбросить непривычную, какое-то болезненное ощущение. Смотрю на часы. Шесть тридцать четыре. Значит, я спал два с половиной часа...

Трудно передать мое незавидное состояние в этот момент. Трещит, разламывается голова. Сон был слишком короток, чтобы осветить ее. Ноет все тело, вымотанное многодневной работой.

А ведь прошло еще восемь суток, как мы вышли на патрулирование. Восемь суток, а мне кажется, что прошло много месяцев напряженного, трудного, которого плаванья. Теперь я начинаю понимать, что одно дело — просто быть в море и совсем другое — быть в море, непрерывно ожидая тревоги, неожиданности, ожидая врага, выискивая этого врага в бесконечном пространстве Балтики...

Я напрягаю все силы, чтобы встать, но тут же резкий рывок бросает меня назад, на узкую твердую койку. И снова я не могу от нее оторваться. Что бы я только не дал сейчас за десять минут сна!

И все-таки я встаю. Лезу наверх, в квадратный люк — там штурманская рубка. Я еще ничего не собрано спросил.

Я вылезло из люка и, стараясь не скользить подошвами по липовому, которым устлана палуба рубки, с трудом удерживаю равновесие у стола. Я ажурно профиль Алексея Дмитриевича Пименкова. Он будто не замечает меня, склонившись над картой. Потом, не поворачивая головы, говорит:

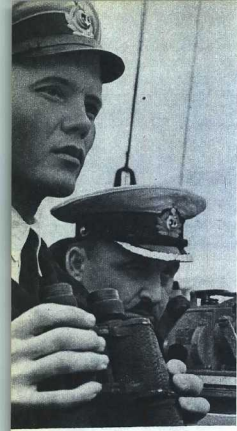
— Ну как, отдохнули, штурман? — И, широко улыбаясь, добавляет: — Поправили свое хлипкое здоровьишко!

«Хлипкое здоровьишко» — одно из любимых выражений командира.

— Утуми-м, — кивая я головой, постыженно приходя в себя. И вдруг чувствую, что мне становится легче. — Поправили, — говорю, улыбаясь, и тру ладонями глаза. Мой командир — из тех, кто не любит ни спешки, ни преждевре-

На ходовой вахты капитан 3-го ранга Пименков и лейтенант Минкевич.

командире. Дело в том, что он буквально не давал мне минуты покоя...

Сразу же после вахты, когда я спешил в свою крохотную каюту, меня останавливал его спокойный голос:

— Подождите, штурман. Давайте поробуем...

Шелпа про себя проклятия, я возвращаюсь к столу, брал линейку, карты и ждал.

— Так, историкоплюво говорил Алексей Дмитриевич... Значит, пелен... дистанция...— он задумчиво стучит пальцами по столу,— дистанция до цели тридцать кабельтовых.

Я склонился над картой, стараясь как можно скорее отделаться от назойливой командира. Пришлово подлетит...

— Скорость — шесть,— буркнул наконец я.

Отлично. — Пименков улыбаясь, — теперь поднимитесь ка на мостик. Допустим, надо подойти к цели...

— Послать бы, товарищ капитан третьего ранга...— говорю я.

— Послать! — Пименков поднимает брови.— А, послим, послим. Вот на базу придем—оо, послим!

Чертыжась про себя, я лезу на мостик.

— Реглики не забудете! — бросает командир вдогонку.

вает так: даже будучи приглашен в гости в командирскую каюту (а такое в дальнейшем случалось все чаще), даже за чашкой крепкого командирского чаю, во время шахматной партии я вдруг, забывшись, горько спорю, как, по моему мнению, следует вести себя, если нарушитель отказывается повиноваться.

Во время этих споров я узнавал множество интересных вещей. Больше всего мне запомнилось то удивительно изощренное разнообразие средств, к которым прибегают нарушители. Рассказывая о них, Алексей Дмитриевич подчеркивал самые удивительные случаи.

Однажды, идя полным ходом вдоль гостиницы, корабль нашей пограничной части заметил пропавший прямо у борта ящик из бортов консервов. На корабле не обратили на него особого внимания — а вот другим ли следовало быть в прибрежной полосе плавающих отбросов. Возвращаясь через несколько часов этим же курсом, корабль снова нагнал пропавший ящик. Полагаясь только на свое чутье, вахтенный офицер приказал вынуть ящик багром из воды. Матросы, подцепившие ящик, увидели под ним торчащую из воды дышащую трубку...

Это произошло всего за несколько месяцев до моего прихода. А вот другое...

Один из кораблей части задержал иностранную шхуну, занимавшую хищническим ловом рыбы в наших водах. Она была доставлена в порт, ушел излит, и капитан шхуны, долго извинявшийся и ссылавшийся на плохую навигационную аппаратуру, из-за которой он сбился с курса, полностью признавал свою вину и в раскаты обещал заплатить штраф. Он даже сказал, что сочувствует коммунистам и собирается у себя на родине вступить в марксистскую партию. Однако при повторном осмотре в носовой части шхуны было обнаружено тщательно замаскированное ультраосвещенное устройство для фотографирования береговых объектов...

Помню, это сообщение произвело на меня какое-то особенное впечатление. Через несколько минут я вышел на мостик и долго с неохотой оглядывая в бинокль мурый балтийский горизонт, выясняя там силуэт шхуны и шепча сквозь зубы ругательства. Полчаса потребовалось мне на то, чтобы увидеть вдали злополучное суденышко, болтающееся в дрейфе. И тут я с какой-то злобной решимостью, убежденный, что это нарушитель, сыграл бовьюю тревогу.

Когда же мы подошли к судну, оно оказалось обычным небольшим траулсером из соседнего рыболовецкого колхоза...

Да, постепенно я учился воловаться. А однажды, через несколько недель после прибытия в часть, я наконец впервые узнал, что враг действительно. Неуловимый, неуязвимый, он ходит вокруг да около, пытается уйти. Может быть, он так и уйдет. Может быть, уже ушел...

Сказал мне об этом старый друг моего отца подполковник Николай Михайлович Парьяничин. Встретил я его совершенно случайно...

(Продолжение следует.)

Человек в Космосе...

Когда эти слова впервые прозвучали не со стороны научно-фантастического романа, а из уст диктора Всесоюзного радио, не было земным умом никого, кто бы не сказал: чудо! Уж очень трудно было постичь, что уже сейчас, в наши дни, а не в какой-то отдаленном будущем человеческий ум оказался в состоянии пробудить к жизни силы, способные преодолеть земное тяготение.

Человек в космосе... Люди узнали об этом 12 апреля 1961 года. А спустя несколько месяцев они окончательно поняли: прорыв в космос — закономерный итог неустанных поисков, побед человеческого творчества. Это случилось 5—7 августа 1961 года, когда советский космический корабль «Восток-2» совершил семнадцать оборотов вокруг Земли.

Сейчас, год спустя после легендарного полета Германа Титова, впервые успешен в завоевании космоса уже стали достоянием истории. Воздвигаясь обесцвеченным искусственным спутником Земли, на барометрах увековечиваются подвиги ученых, инженеров, техников, рабочих, построивших космический корабль, создан музей первого космонавта... Не только нам, но и будущим поколениям принадлежит документальное свидетельство об апрельских и августовских днях 1961 года, «вечным» кинокадрам, отснятым Германом Титовым на высоте нескольких сотен километров.

Пройдут века, но никогда не ослабнет у людей интерес к рассказам о смелых космонавтах. Семь поездок в разные страны совершил Герман Титов. Две недели находился он в США, в Америке, и, конечно, не остался ни одного человека, который не увидел бы и не услышал нашего героя, человека, в котором как бы воплотились огромные достижения советского народа в освоении заоблачных пространств.

Штурм космоса продолжается. Впереди будет еще много полетов. Космические рейсы станут общедоступными.

Особенно любопытно повороты к будущему космонавтика юные друзья героя — школьник Герман Стенянович охотно приезжает в гости к своим «будущим коллегам». Ведь именно им предстоит прийти из гун-гуна своего поколения эстафету космических полетов, повести корабль на Марс, на Венеру, в просторы Вселенной.

манных выводов, ни опрочечных шагов. Он около пятнадцати лет провел на границе, и границе приучила его быть осторожным. Он не любит слуха в походе. Я помню, как во время одного мно-

«Немедленно остановиться!» — передает сигналы нарушителя.

годового патрулирования он сослал самое большее три раза, и то на часок—полтора. Зато, возвратившись на базу, отсыпается сутками.

На его счету самое большее количество задержаний. Говорят, что ему просто везет, но, как я потом убедился, везение здесь ни при чем. Опыт и мастерство судовой команды сочетаются в нем с непостижимым чутьем пограничника и качеством, о котором я уже говорил,— умением постоянно воплотиться.

Но первые дни я был совсем не восторженным мнения о своем

Сжав зубы и изомяча от встречного ветра, я закру глотку вперед, туда, где графитово-серая вода будильки смыкается с таким же серым, безразличным небом. А когда спускаюсь вниз, меня встречает невольником:

— Допустим, через...— командир смотрит на часы,— четыредцать минут надо высматривать ослепшую группу. Вы назначены командиром. Ваши действия?

Но странно, чем чаще повторяются такие испытания, как я их называю про себя, тем чаще я схожу во янус имитации задержания. И потом уже часто бы-

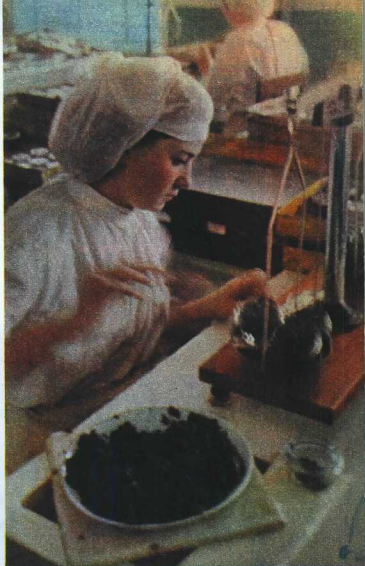
Фото И. ГОЛЬДБЕРГА

«ВОЛЖСКИЕ ПРИНЦЕССЫ»

«Славна Сибирь соболями, а Астрахань — осетрами» — говорили в старину. Но и сегодня не оскудела Астрахань этой славой. Вот они, «волжские принцессы» — севрюга, белуга, осетр — плещутся в баркасах у причала Астраханского рыбоконсервного комбината. Этот комбинат — один из крупнейших рыбоперерабатывающих предприятий в нашей стране. А прибалы «принцессы» сюда из дельты Волги. В пути они не утратили своей свежести. Дело в том, что баркасы, в которых их везли, — особенные. В их днищах сделаны специальные

прорези, сквозь которые все время струится проточная вода.

Прибыл на завод, рыба попадает в локте руки деваг, таких, например, как Валя Руденко, которую вы видите на снимке.

Пройдя через комбинатскую «кухню», красная рыба превращается в сотни удивительно вкусных вещей. В сутки здесь перерабатывается более 400 тысяч килограммов рыбы и 8 тысяч килограммов зернистой и пастоной икры. А количество банок рыбных консервов, выпускаемых комбинатом в год, достигает поистине астрономической цифры — 70 миллионов штук!

Семьдесят миллионов банок! Открывая их за праздничным столом или в туристском походе, в полярной палатке или в шалаше геолога, люди добрым словом помнят астраханских деваг.

Фото Л. РАСКИНА.

ЧЕТЫРЕ КОРОТКИХ ИСТОРИИ

Пасмурным февральским утром рослым, плечистый юноша вышел из заводоуправления и медленно направился к проходной. Перед тем, как шагнуть в эту дверь, он взглянул на часы. Первый заводской день, обсаженный деревьями и кустарником, был пуст, только зареда проходила по нему толпа, спрыснутая дождевыми струями. Просторные, как у моря, кабинеты курсов, за которыми шла обычная напряженная жизнь предприятия.

— Что курьез, Лена? — заинтересовался нахмур. пропуская юношу.

— Да так... Вот уволюсь...

— Ну-у! Или с кем же поладишь?

— Нет, по собственному желанию... Леонид неслово утешился и шагнул в автобусной остановки.

Вскоре через лет назад Леонид Брук впервые пошел к проходной Краснодарского компрессорного завода. Было время обостренного перерыва. Люди в замесленных комбинезонах проходили по двору, громко разговаривали, смеялись. Внимательно осматриваясь Леонид в их лицах искал знакомых. Будущие товарищи по работе, как примет его в свою большую семью? Спусти несколько дней комсомольская организация завода увеличилась на одного человека, а в картотеке отдела кадров появилось новое личное дело: «Леонид Брук, ученик лудильщика».

Большому дружному коллективу понравился старательный, серьезный и общительный парень. Уже через полгода сотрудник отдела кадров сделал в его личном картотеке новую запись: «Переведен лудильщиком второго разряда».

Работа, новые знакомые, которые быстро стали старыми друзьями, учеба... Но пришел день — Леонид затрундился бы только назвать его, — когда, приходя утром к делу, он почувствовал не прилив энергии, а легкое раздражение. Руки — сильные и умелые — просяли другой, более сложной работы, в которой можно применить знания, полученные в школе, в технических кружках.

Дни сменялись в недели, недели — в долгие месяцы... Рост неудовлетворенности в душе молодого рабочего. Была и еще одна причина, которая утяжеляла эту неудовлетворенность. Если раньше в картотеке школы хранилось «Ленке-холостик», то после жителям главе молодой семьи пришлось тутовое...

Наступило, наконец, это февральское утро. В комитете комсомола «подмакнули» обходной. В отделе кадров сказали Леониду:

— Знаешь, учидишь? Ну-ну... — и записала в трудовую книжку: «Уволю по собственному желанию».

...Сменный мастер, передавая Петру чертежи, спросил, не сомневается ли отлеге:

— Ясно же! Сделаны?..

— Петр кивнул. Все ясно, и все будет сделано. Работа сложная, но Петр справится с ней, как и прежде справлялся со всеми важными и неважными заданиями. Для сту-

дента третьего курса вечернего института Петра Шоста не представляло особого труда справиться со сложной деталью или помочь товарищу устранить неполадки в станке. Оттого и уважали в экспериментальном цехе компрессорного завода этого умного, умелого парня — сдесари-третьего разряда.

— Чудак, Петро! — не раз горько ему прилетало — Требуешь, чтобы повесили разряд? Ты же работаешь по четвертому, если не выше...

— Да не буду я завальцоваться... — отвечал Петр. — Начальство знает, кому повиснуть...

— Ты же четвертый год рабо-

Виктор ЛЕВАСОВ

МОГУТ ЛИ ЗНАНИЯ БЫТЬ НЕНУЖНЫМИ?

«ОКАЗЫВАЕТСЯ, МОГУТ», — СООБЩАЕТ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ИЗ КРАСНОДАРА

таешь по третьему? Или знаменит больше?»

— Знаменит — ерунда... — отвечал Петр, уставя дурным, завел разговор с начальником цеха.

— Я — за! — сказала тот. — Но сам пойми: сейчас никакой работы не позволяет. Штатное расписание не позволяет. При первом удобном случае...

«На нет и суда нет...» — И Петр проводил взглядом начальника цеха, склонялся над чертежами новой детали, изготовление которой требовало знания и профессионального умения этого разряда.

...Перед началом смены Светлана Савина прошла через вагончик и заглянула, на металлических невысоких стенках которого белели три крупные буквы: «ОТК».

— Владимир Иванович, скоро будем сдавать, законно?»

Старший контролер нахмурился.

— Не знаю, Светлана. Пока не знаю... Готовясь получить...

— Да я уж все еще раз повторю. И все девочка тоже.

— Не знаю... — повторил Владимир Иванович.

А через несколько дней в редакцию многопартийной газеты Краснодарского завода измержательских приборов (ЗИП) пришло письмо, подписанное старшим контролером цеха № 4 В. И. Андриковым.

«В течение нескольких недель...» — говорилось в письме, — «будучи дежурным-контролером под моим руководством готовился к сдаче экзаменов на повышение разряда... Справедливо ли, что былые десятилетиями, а ныне учащиеся вечерних техникумов и институты по три-четыре года

работают контролерами первого разряда? В ответ на мое заявление о необходимости такого положения начальная отдела труда и заработной платы тов. Боровицкий указал, что ввиду тяжелого финансового положения завода повышение разрядов группе контролеров целесообразно...»

...На Кубани широко известно притча о неумном казаче-князе-дворе, который долгие годы присаживался, желая прослыть самым богатым в ставке. Однажды он пригласил гостей и велел распахнуть ворота амбаров, что-

чальника цеха. Совет молодых специалистов рекомендовал молодого инженера Анатолия Сидячука. Кандидатура Анатолия была одобрена комзаводом, парткомом завода, но встретила упрямое сопротивление директора тов. Илюхина:

— Сидячюк молод. Не справится.

И заместителем начальника цеха был назначен специалист без высшего образования. Я не могу усомниться в деловых качествах нового работника и не склонен делать сейчас далеко выходящих выводов. Но факты остаются фактами: в дни моего пребывания в Краснодаре один-

жды все удивились его богатству. Гости действительно удивились: в зарплатах вместо отборного зерна лежали груды черной грязи.

Когда на ЗИП приходили гости, им непременно представляли Минну Бондаренко: отличная производственная, окончила в 1958 году химико-технологический техникум. Работает травиальщицей...

Выступившая техникуму три года работает травиальщицей! Необходимо ли знания, полученные девушкой в техникуме, для выполнения этой работы? Нет. Чтобы работать травиальщицей в заводской лаборатории, не нужны глубокие знания техники. Это не необходимость. Более того, роскошь, потому что средства, затраченные на обучение специалиста, лежат балластом. Отлич нет.

Минна жаловалась иногда подругам:

— Я забыла то, чему меня учили.

Несколько раз Совет молодых специалистов завода рекомендовал ее на свободную инженерно-техническую должность. Однако кандидатура Минны отменялась административной цех:

— Не справится, слишком молодая.

Но все-таки Минна Бондаренко стала работать по специальности. И, как говорит, очень неплохо справляется со своими обязанностями. Но три драгоценных года ушла.

А вот еще один факт.

О нерентабельности, плохой организации труда и одиннадцатом цехе не раз говорилось на собраниях и совещаниях упрямой инженерю. Предлагали закрепить руководство квалифицированными инженерами. Появились на каниски: место заместителя за-

нарядный цех по-прежнему выпускал две трети месячной продукции в последний декаде.

К этому времени добавил всего лишь одну цифру: 126 молодых специалистов на ЗИПте использовано не по специальности.

Когда ставок большой мощности работав инновислы — это прямой убыток предприятия. Если же специалист — будь он инженер, техник или квалификация высшего тонаря — используется ниже своих возможностей, это убыток не только предприятию, государству, но и самому человеку. Не превращается ли знания, лежащие без использования, в бесполезную грязь, подобно зерну тлеющему скуча в кубанской притчи?

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

Разные условия, разные люди. Разные и предприятия: сравнительно небольшой компрессорный завод и пользующийся мировой известностью гигант ЗИП.

Разумеется, я допустил некоторую условность, выделив только одну сторону дела, а именно: вопрос о знаниях и разрядах. Но ведь есть и другие точки зрения. В частности, позиция отдела труда и зарплаты ЗИПа в отношении молодых контролеров цеха № 4 противоречит существующим правилам, по которым контролер должен иметь разряд, равный разряду рабочего, производяющего контролеемые изделия. Разряд рабочих в цехе № 4 — в среднем третий, разряд же контролеров — первый.

Следует отметить еще одну сторону, общую для всех описанных случаев, — позиция заводских комсомольских организаций.

Понтересовался ли комитет комсомола активной гражданской деятельностью? Леонид: В первую? Нет. Помог ли комитет комсомола Петру Посуту? Нет. Вмешались ли, наконец, активисты ЗИПа в конфликт между комсомольскими контролерами и администрацией? Нет.

Поддержал ли заводской комитет комсомола кандидатуру молодого специалиста Анатолия Смыдичука, помог ли ему занять место, на которое он имел все основания? — Нет, мы ничего об этом не знаем, говорит заместитель секретаря комитета комсомола Олег Савринович.

Ну, а кто же должен быть тогда в курсе этих дел? Кто должен защищать права молодежи?

На мой вопрос ответил парнишка, находившийся в комнате комитетов.

— Да что вы все о разрядах, о росте! Ведь это не главное. Есть задачи и поважнее, первая из них — производство, технический прогресс.

— А кто думают об этом командиры производства? — Нецелесообразно затрачивать лишние деньги. Производство невыгодно — такое мнение высказывала отдела труда и зарплаты ЗИПа.

«Нет возможности правильно оценить труд Петра Посуты», — разводил руками начальник цеха комбинаторского завода тов. Зеленский.

Итак, вырисовывается некое противоречие между знаниями, профессиональным умением молодого человека в той работе, которую он выполняет. Получается, что на пути творческого роста становится штатное расписание, которое никак не могут ослабить ни комитет ВЛКСМ, ни администрация.

В чем же дело? Мы говорим: молодежи должны учиться, без знаний невозможно участвовать в построении коммунизма. Но знания нужны не просто для пополнения эрудиции молодого рабочего. Они должны стать подспорьем в его повседневном труде.

Приведенные примеры свидетельствуют как раз о другом: производство, оказывается, не требует новых знаний. Получается «заколдованный круг»: с одной стороны, учиться необходимо, а с другой — нет необходимости учиться, потому что нет столько потребности производства. Направляется неожиданный вывод: на некоторых этапах предпринятый рост знаний молодых производственников опередил темпы технического прогресса. Вывод этот не может не радовать, но одновременно истораживает: что же делать, если техническое совершенство производства становится на пути профессионального роста?

ЕСТЬ ЛИ КАКОЙ-НИБУДЬ ВЫХОД? КОНЕЧНО, ЕСТЬ

Краснодарский завод «Тракторсельхозмаш». В тесной комнате разместились комитет комсомола.

— Три-четыре года с первым

разрядом? — повторит мой вопрос секретарь комитета Жени Яценко. Нет, два-три года и три лет. Штатное расписание? Нет, оно не является помехой. Два-три года назад, возможно, и было.

Что же случилось на этом предприятии за последние два-три года?

Около тридцати рабочих были выделены на изготовление литежно-разливочных машин по старому методу. Средний разряд молодых производственников (их большинство на заводе) второй. Россия развивалась и развивалась, и потребность сырьевых хозяйств в новом виде продукции. И вот у молодых специалистов и рабочих-рационализаторов родилась идея сделать малопроизводительное прессовое литье создать автомат.

Не стоит сейчас описывать трудности, с которыми столкнулись решившие эту задачу. Победа в конце концов была одержана, новый цех-автомат вступил в строй. Выпуск новой продукции начался в раз-два. И в то же время разряд у молодых рабочих, которые теперь стали уже наладчиками, поднялся до четвертого.

— Штатное расписание стоит на страже государственных средств, против этого нельзя что-нибудь возвращать», — говорит Жени Яценко. — Значит, мы должны все творческие силы все знания молодежи направлять на технический прогресс, который распахнет самые широкие возможности для ее роста.

Итак, неустанное использование знаний, организованная и направленная творческая активность рабочих — это выход из «заколдованного круга». Ведь технический прогресс и творческий рост молодежи связаны неразрывно.

На том же ЗИПе, при всем его современном оборудовании, сейчас около сорока процентов ручного труда. А ведь за эти три-четыре года — живые люди, занятые небылодарным, непроевлекательным трудом, который способен вселить в человека не уверенность в свои силы, погнавшись в нем творческий ступень.

И пусть не сочтут меня товарищи из Краснодара любителем трюмных фраз, но я хочу сказать:

— Останутся ли сотни молодых парней, с которыми я познакомился на ЗИПе, подсобниками и при коммунизме?

Нет! Не войдут коммунизм не на график Он создается сегодня. Вот почему комитет комсомола должен постоянно держать на прицеле все то, что связано с производственным ростом юношей и девушек, смело выступать и в защиту прав молодежи. И не пришла ли пора этому спешить с тем, кто еще сегодня не по-хозяйски, не по-государственному относится к творческим силам молодежи?

Безусловно, заметки о краснодарских встречах не могут претендовать на исчерпывающую полноту. Многие, очевидно, смогут добавить к этим материалам искусство, экономику, работяки Госплана, ВЦСПС, командиры производства. А необходимость такого разговора очевидна.

г. Краснодар.

Движущую — то снегу, то лавине, то снегу море. На горе деревца: глянцевые домики лежатся к камням. По склонам горы, между морем и деревней, — серый бетонный пояс. От деревни и беретом облеплен камнями трюнк. Там, где трюнка выходит на шоссе, поставлен навес: четыре столба и трюнкочная крыша. По улице женщина в черном пальто спускается к навесу и раскладывает на камнях свой товар: лежатся в кавовую муку, домашний сыр, жареную свиную кожу, соломенное плетение и маски, вырезанные из муляжи из белого мягкого дерева.

Играючи около навеса торчат выскочки машинки. Из машины выходят туристы.

— Какой пейзаж! Какая деревушка! Какие лица! — говорят они и наставляют свои аппараты на обрывистый берег моря, деревушку и женщину под навесом.

По нарядникам из деревни спускаются мужчины, которые всю неделю работают на крошечных горных полях. Они пересекают шоссе и выходят на крутой берег моря. А от берега на обрыв поднимаются те, кто всю неделю работает на утесе. Высокая прибойная волна бьет об утес и закрывает острые камни на две-три мажешкой узкой, каменной бухты. Мужчины говорят о том, как утрясается массив сверху и как ловится рыба вывеска, а юноши, которые пришли вместе с ними, молчат.

Потом самый старый из мужчин смотрит на небо, создает ступенями из сырнотной крошки прибойную волну, которая вскипает в горняние бухты, стала тумано-зеленой.

— Пора! — говорят тут, кто смотрит.

Юноши сбрасывают с себя одежду. На камнях остаются следы их сырнотной крошки соломенной шляпы, белые рубашки и штаны. Юноши по очереди спускаются по крутому утесу до его середины, где над водой нависает ограда заметной высоты. И там, кто спустился на этот выступ, смотрит в прощаль, переждает несколько вздохов прибор, а потом прыгает вниз головой на острые камни. Но это только так кажется, что он падает на камни. Пока прыгает, человек раскинул в воздухе прибойную волну, которая заливает утку бухты и покрывает камни. А когда вода, захвачен от удара, отбрасывается в море, прыгну перепалые бухты, выбривается на ее противоположный берег и возвращаются к тем, кто стоит на утесе. Когда он снова выходит на утес, его первый раз «вымыл» на «зм». С этого дня он мужчина и может, как раньше, говорить о делах.

Никто не помнит, когда появилась обычная прачка со скамьями. Одно известно: в скамье, которую рассказывают старики, первый прыгнул молот перед прыжком не Гваделупской джее, а богу света с дымным индийским именем.

В дни прыжков машинкам с туристами должно стоять на дне.

— Какое зрелище! — восклицают туристы и спускаются на скалу по каменистой трюнке. Их городские башмаки скользят, они нелегко хвхтаются, чтобы устоять на ступенях трюнка, хватают, чтобы устоять вниз и наставить свои аппараты на прыгуню.

Кончается праздник. Прыгуню уходит с утеса. Машинки уходят в дельту утеса и в чашку — бой бычок, в семь — служба в церковь, в девять — ночной театр. И снова движущая — то снегу, то лавине, то снегу море, а на горе — коричневая деревня и по склонам горы — серый бетонный пояс. И на берегу — чердак, столбы и завтра мчатся машинки. Мимо, мимо, мимо!

Так или много лет, пока в другом конце света не началась большая война.

Богатые люди привыкли садиться на белые пароходы и уходить на отдых в Европу к берегам голубого теплого моря. Там, где можно было лежать на валяном ковше, тогда установили пушки, а в залах, где они привыкли есть, танцевать, играть в карты, пить коктейли, стонут раненые. Но не могут же они из-за новых откаты от своих привычек!

Вот тогда-то и исполнился про берег, где море бьет об утесы прибойной волной и где на море километром тянется полоса твердого песчаного пляжа.

Архитекторы еще чертят свои проекты, а тяжелые ягачи, сердито уны, уже брали горы подьяем. Они велич цремет, металл, стек-

ЧУТЬ-ЧУТЬ...

Сергей ЛВОВ

РАССКАЗ

Рисунки В. КАРАБУТА.

ло, мебель. И уже самые опытные метростроители и бармены, самые красивые девушки из ночных театров укладывают свои чемоданы, собираясь на новое место. И нестранные прелестники нового курорта обещают самый лучший в мире палец, обещают самое теплое море, обещают самый поразительный местный колорит: «...людей, не знающих страха, которые прыгают с головокружительной высоты в смертельно опасные водовороты прибоев».

Визу по-прежнему — море, на горе — глиняная деревня, по склону горы по-прежнему тянется серый бетон шоссе. Только теперь они спускается к морю, где из надвину еще пуском берегу, отогнанный рыбацкими хижинами, выросли дома с плоскими крышами, голубыми бассейнами, стеклянными стенами. А для тех, кому и в больших городах не хватало большие отели, архитекторы построили бунгало, где стены обшиты деревом, сохранившим естественный цвет, где на полу не ковры, а циновки, где абжуры на лампах сплетены из тростника, где в облицовке вихревой жемчужины льются винными гондолой и розовой кафедрой вилкой комнаты, и три крапа дым горелки, холодной и ледяной воды, и тихо гудящий аппарат «Вирокопдин», и все то, что богатые люди не могут жить в деревенской хижине.

По вечерам звенит колоколь мед в шефкваре, стучат гравитационные кисти о мрамор столки, мягким баритоновым поет саксофон, и название забытой девушки уже звучит, как недавно звучала самые громкие имена европейских курортов.

Женщинам из верхней деревни по-прежнему спускаются по каменной тропке вниз. Только они идут уже не к ивессу на шоссе. Они едут в новые дома на берегу и разбираются там по кухне, по прачечным, по посудомойкам.

Мужчинам уже не работают на полях: те поля, что подальше от берега, заброшены ими, те, что поближе, откуплены у них. Мужчины с утра до вечера режут теперь деревянные марки на продажу: их нужно и сто раз больше, чем прежде, а прыгуны каждый день выходят на скалу. Обычай стал прощальным.

Зрителим не нужно спускаться на скалу по крутой тропке. Отели повернули бакаины сапелек дорожек номером и сторону скалы, а на ней самой выстроена площадка, с которой прыжок прекрасно виден. Хочешь сфотографировать меня, когда тебя прыгну разрезает воду, — можешь по лестнице спуститься ближе к воде. Лестница построена недавно, но выглядят ты, словно существовала всегда, — строителям сложна ее из старых поздравительных камней: приезжие платят деньги за уют.

Лестница проходит мимо каменных крестов.

Никто не знает, кто лежит под ними, но приезжим нравится думать, что кресты поставлены на могилы прыгунов, которые разбились о камни. И в этом не разубеждают. Старые кресты относятся к местному колориту, а прыгунам действительно случается разбиваться.

Мальчик лежал на краю скалы и смотрел вниз на воду. Мальчишка звали Педро. Солнце сильно нагрело сухую траву, на которой он лежал. Но Педро было холодно. Его всегда знобило, когда должен был прыгать отсюда. Он потому и ушел сюда, чтобы отец не заметка этого. Заметит — будет сердиться.

Педро стонал с края обрыва камень. Он успел три раза глубоко вдохнуть, пока услышал, что летящий камень стукнулся о скалу внизу. Педро бросил еще один камень и снова прислушался. Теперь звук был другим: камень ударился о воду.

Мальчишка было четырнадцать лет, и с тех пор, как он себя помнит, отец брал его с собой на Скалу Прыгунов. Педро хорошо знал, сколько времени летит камень вниз и как звучит его удар. Но ему нужно было чем-нибудь заняться. Ждать, пока прыгнет отец, с каждым днем становилось все труднее.

А прыгуны сегодня задерживаются на площадке. Около них суетятся приезжие. Педро не нужно глядеть туда. Он и так знает все, что происходит там. Туристы, верно, снимают Мануэла, а Мануэл рассказывает перед ними, как танцор в прыжке, как как торшером на аренах живот втянул, длинные ноги напряжены, все мускулы на сухощавом коричневом теле играют. Он краснеет перед туристами, а сам будто не замечает их. Будто не слышит, как восторженные дамы, а мужчинам предкают затворами аппаратов. Но каждый раз, когда на него наводит аппарат, Мануэл поворачивается к нему, кто хочет его снять, и ослепительно улыбается.

У Педро тоже есть свое дело на скале: он продает фотографии прыгунов тем зрителям, которые не снимают сами. Больше всего покупают фотографии Мануэла. Отца Педро не фотографировать. Его фотографии не покупают. Он самый старый прыгун на скале. Он не умеет так улыбаться, как Мануэл. У него угрюмое лицо, жеманские руки и кривые ноги. Но прыгуны знают, что на скале главный. Педро тоже знает. Это его отец — Фернандо, по прозвищу «Чуть-Чуть».

Несколько недель назад утром, когда мать, нажив свой черныи платок, пошла, как всегда, в прачечную оттая, а Педро застал за отцом на скалу, он решил...

— Отец, — спросил он, — почему вас называют «Чуть-Чуть»?

— Гляди внимательно, поймешь.

Педро стал еще внимательнее глядеть на прыгунов и еще внимательнее слушать, что они говорят про приезжих. И он понял, почему отца прозвали «Чуть-Чуть».

Прыгуны следят за прибоем, глядящими на него, вслушиваются и прыгают так, чтобы оказаться внизу тогда, когда камни будут надежны покрывать прибойной волной. Фернандо надежно прыгает так, не чувствует усталости, как чуть-чуть позже, чем сделал бы это любой другой. Прыжки он чуть раньше, и волна еще не закрыт камень; выходы чуть больше — она отхлынет прежде, чем Фернандо долетит вниз. Все дело в чутью. Потому его так и прозвали.

Педро догадался: отец горд провинцем, поэтому и не захотел объяснить его сыну. Он не Мануэл, который без конца спрашивает: «Ну, как а сегодня прыгнул?»

— Но Педро не успел спросить. Он спросил у отца:

— Отец, а почему вы прыгаете не так, как все?

Отец ответил не сразу. Они стояли около расщелины, через которую был переброшен логичный подвесной мостик.

— Видишь, отец и показывал на расщелину? — был бы здесь не мост, а доска без перил, — пройтись можно, но трудно. Человек поумирает: доска ужива, остуслась — и пропал! А если другой прыгнет перед ним, не последние доска и по самому прыжку, тут кто боится, подгадывает и поймет: доска по такая уж укая, если кто-то мог пройти по краю, то несредине и прыгнул. Когда я прыгну, другие понимают: если они немного ошибутся — поспешат с раз-

бегом или западают,— это еще не смерть. У

них в заносе мое чуть-чуть.

— А зачем? — спросил Педро.

— Зачем нужно прыгать? Раньше нас кормила земля, теперь — скала. Работы лучше этой здесь не найти.

Постепенно Педро узнал все про прыжки отца. Он мог даже сосчитать, насколько раньше других или насколько позже начинает свой прыжок Фернандо. Но с тех пор, как он все пошел, смотреть на то, как прыгает отец, он больше не мог. Он стал уходить подальше и ждал, когда все кончится.

Так было и сегодня.

— И вот на скале стало тихо. Значит, прыжки уже дали прыгуну столько денег, сколько полагается за прыжок, и отец уже готовится прыгать. Педро зажмурился и сцепил пальцы руками в сухую траву.

Внизу галочка ударилась о скалу и с шуршанием откатилась прибойная волна. Педро открыла глаза. Он не мог не смотреть. Новая волна шла к берегу. Волна была высокой, с белым, завывающим гребнем, но катилась странно медленно, а отец прогнувшись, как муха, уже лезла вниз на острые камни и вслед за ним по скале скользя его крылатая тень. И его уже нельзя было задержать, а волна не двигалась, волна останавливалась, и можно было только снова зажмуриться и еще крепче сцепиться в траву. Он разобьется!

...Педро открыла глаза. Ужас бухта была заполнена кипящими водопадами. Отец прыг не было видно.

— Разбился! — хотел крикнуть Педро и не успел. Далеко в волнах появился голова отца. Он помахал рукой и, не торопясь, пошла к берегу. И Педро сразу стало жарко. Потом отец присел на траве рядом с сыном, отдала. Они съели завтрак, который мать дала им с собой: приправленные перцем черные бобы, завернутые в маюсовую ленточку.

Отпугу не нужно было сегодня больше прыгать. Апенсика был свежий, от перца горло во рту, вода из фляги казалась особенно вкусной.

— Почему сегодня была такая волна, отец? — спросил мальчишка.

— Волна была обыкновенная, — сказал отец. — Наелся! Ступай на площадку. Тебе тоже пора за работу.

Педро взял пачку фотографий и коробку с желтоватой резиной и пошел продавать свой товар приезжим.

Последним прыгал Мануэль. Спустившись на уступ, он вставал на колени перед изображением Гваделупской девы, удерживаясь на камне, молчал. И дым на смотровой площадке звонко вышло дышал. Потом он распрямился, но не прыгал, а застыл на краю, криво раскинув руки. Педро понимал, зачем Мануэль делает это: выжидает, чтобы волна была надежной, чтобы она хорошо накрыла камни; хочет пройти по самой середине доски. Но зрители эта секунда промедления нравится. Объяснить бы им, какая разница между прыжком Мануэля и прыжком Чуть-чуть. Не поймут!

Но однажды на площадке появился приезжий, который понял все. Это был худой человек с длинным обветренным лицом, седыми волосами и кристально чистыми светлыми глазами. Когда он появился на площадке, туристы стали смотреть не на прыгунов, а на него. Новое, появившись, видно, прыжок, что на него обращают внимание, он спокойно давал себя сфотографировать и шло свое фамальво и прыгнутых ему блокнотом. Потом он сел на камень, обвязав длинными руками острое колено и покачивая ногой в тяжелом ботинке. Так он просидел долго, глядя на прыжки в слушая носенки, которые давал директор отцом построенного рядом со скалой. Директор появлялся здесь ради самых почетных гостей.

Потом длиннолицый пошел к прыгуну. Туристы потянулись было за ним, но он так глянул на них своими светлыми глазами... Отстал! Новый приезжий, твердо выговаривая испанские слова, поздоровался с прыгунами и, разувшись, пошел по крутому спуску к уступу, встал на нем, глядя вниз, и долго возмущал своими худыми руками. Педро рассмеялся. Он представил себе, что длиннолицый в дорогом костюме летит в воду.

Длиннолицый смотрел на прыгунов несколько дней подряд, а в последний подошел к отцу и спросил:

— Вы уже кончили сегодня работу, дон Фернандо?

Педро всхликует от удовольствия, что приезжий изваял отсюда так увлекательно.
— Конечно, сегодня работа кончена за всецел. — Мне понравилась ваша работа. И хочу вышить за вас, — сказала дамынядиль.

— Мы сотен — это честь, — очень серьезно отвечает отец. — И я все мое дружище.

— Юханссон, — сказал дамынядиль и протянул руку.

— Фернандо Переду, — ответил отец и пожал протянутому руку.

По прозвищу «Чуть-Чуть», — добавил Юханссон. — Мне нравится ваше прозвище, дон Фернандо.

Пока они толпая шли к ресторанчику, Мануэль возбужденно спросил Педро, на фотографии ли превратил его на скале и не купал ли его сынков. Он очень огорчился, когда узнал, что ни того, ни другого тут не сделал.

— Есть из-за чего волноваться, — сказала Педро.

— Пора бы тебе уже загадывать в газету, ниньо, — пренебрежительно ответил Мануэль. — Тогда бы ты знал, что этот знаменитый — известный писатель. Если он про меня напишет, это будет такто набависта! — Мануэль любил вставлять в свою речь словечко саморванья.

Но дамынядиль Юханссон, видно, не собрался делать Мануэлю набависта. Он сидел с прыгунами за столом, уткнувшись горящими протами-очкалами в виски с содовой. Прыгуным нравом помогал. Прыгун, который много шает, уже не прыгун, и Юханссон не стал настаивать. Но себе он нашла и нашла. И эти прыгуны вымали столько, сколько им позволял Фернандо, а Юханссон вымалило, сколько хотел, он прописал речь. Его дамынядиль стало красным, глаза бледали, но говорил он по-испански еще более отчетливо и твердо.

— Я знаю все способы, какие в эти время примака человек, чтобы сделать себе деньги, и все приема, которые он придумал, чтобы не сломать, — сказала он. — Это мое специальность. Я смотрю на индийских факторов. Они вышивают из корзин голыми руками дамынядиль кобр — дамынядиль без всякого обмана. И я написала об этом... Я написала о канатоходе, который явится перепрыгнуть на канату над Нангарой. Я смотрю, как работают торреры — ваши и испанские. И я написала об этом, потому что об этом все уже написали другим. Я была в лагере Хиллари, когда он начал подымать на Эверест. И об этом я тоже написала. Но то, что делаете вы... Такого еще не бывало! За ваше искусство, дон Фернандо!

— Да мы нас это большая честь, — сказала отец, — если вы вышлете за нас.

— Я вышло со всеми вами, — упрямно сказала Юханссон, — во имяние за вас, дон Фернандо. За вас одного. Ваши компаньоны тоже мастера своего дела, а вы мастер и еще чуть-чуть. У вас философское прозвище, дон Фернандо, — сказала он, и его лицо поморщилось. — Все дело в чуть-чуть. В газетчике выписалось дамынядиль писателем на Скале Прыгуном. Петер Юханссон в восторге от головокружительного зрелища. Враней Зрелище действительно головокружительное, да только я сомнен не большой писатель. А почему? Мне не хватало чуть-чуть! Я тоже хотел бы ничего не бояться. Не вышло. Еще один стаканчик — отра копита — за того, кто заслужил титул Чуть-Чуть!

Юханссон заметил описанье. Он долго говорил своему речу. Прыгуну внимательно слушала и вожделю кивала, Мануэль злился, а Педро глаз не спускал с человека, который так говорит об его отце. Значит, приезжий понял, что каждый день делает Фернандо Чуть-Чуть, когда проходит по самому краю скалы, чтобы дружке по большому пройти по ее середине...

Юханссон ушел, а все осталось по-прежнему. Мануэль красовался перед приезжим, Педро продавал фотографии, отец делал свое «чуть-чуть» все более опасным. Туристы приезжали и уезжали, а прыгуны оставались на скале...

только прыгнул вральми днями напрасно ждали зрителей. В такие дни они сидели, опершись спиной о камень, поджидая колчан и свесив на них голову с низко опущенной соломенной шляпой. Педро тоже сидел в такое дни в позе ожидания. Когда они возвращались со скалы домой, отец сумрачно молчал, и Педро ни о чем его не спрашивал. Все полагал и так — вешелось мужичком приходить к своему отцу, почти ничего не заработав за день. Младше — у Педро было две сестры и маленький брат — тоже ни о чем не спрашивал. Все было видно по лицам отца и старшего брата.

— А все потому, что мы забросили полд — сумрачно сказал отец, когда они одлаждались возвращались домой. — Да что теперь говорить! Понятно нас все равно не прокормит. Отважись мы. И быков продавай.

Отец думал долго и трудно. Он сидел до ночи на пороге дома, курила толстую сигару и строчил вожделю вощику, пока она все не превращалась в стружку, в утром, немалым вышивая и на столу еще более угрюмый, чем всегда, шел на скалы и снова скала, обхватив колени руками и свесив голову в широкополую шляпу.

Он думал.

И он придумал! Помеш с этим к директору отел — и вернулася с деньгами. А в местной газете и в газете, которую специально для туристов издают на индийском языке, и на английском, рассказанного по адресу курорту, появилось объявление: «Скоро ночной праздник в отеле «Утес» и на Скале Прыгуном! Увещание праздника — необычайной аттракцион. Скала Прыгуном ночью. Традиция и сенсация!»

Около скалы повисали молоты и осветители. Они тлели на площадке временную проводку, развешивали гирляндами ламп, устанавливали проекторы...

А Фернандо Понда сына в магазин. Магазины назывались «Эльдорадо де Касадорес» и «Охотничий рай». И это действительно было рай! На стенах поблескивали черными стволыми охотничьи ружья. Глядя на них, ты чувствовал, как ударившись придела и зарево и прижмешься к нему щеккой. Под стеклом привакала лежала парадные револьверы, также, какие употребляли в старину и какие до сих пор носят индейки-неголы — чарро. У этих револьверов барaban с очень большой патронами и изогнутая ручка с пер-

ламутровыми пестками, дамынядиль ствол и серебряная отделка. А рядом кобура, конечно, открытые, тоже хорошо была видна все красота такого револьвера. И маленькие, но даже на вид тяжелые и изумительные брусничные-лупины. Они выглади, как настоящие, а стреляют еще громче. А какие тут патронами, как пахнет их кожа и как грозно выглаживают из гнезд инвентаризованные дуали! И седла — американские и мексиканские, — и скалы для птиц, и охотничьи сумки, и надувные матрацы, и какие-то трузубы — это, наверно, остроги для крупной рыбы, — и шиншилы, и кожаные куртки, и акваланы. Любая вещь в этом магазине сделала бы Педро счастливым — хоть бы просто в руках подержать!

— Сколько ракет мы положим, сеньор! — спросил продавец.

— Пачу, — ответил отец.

— Не больше!

И мне и столько может не понадобится. И мы условились, если они мне больше не понадобятся, те, что останутся, вам вернут, а вы вернете деньги.

— За вычетом двадцати пяти процентов, сеньор.

— Согласен, — сказал отец. — А принесет оставшиеся ракеты вот он. — Фернандо указал на скалу.

Продавец согласился.

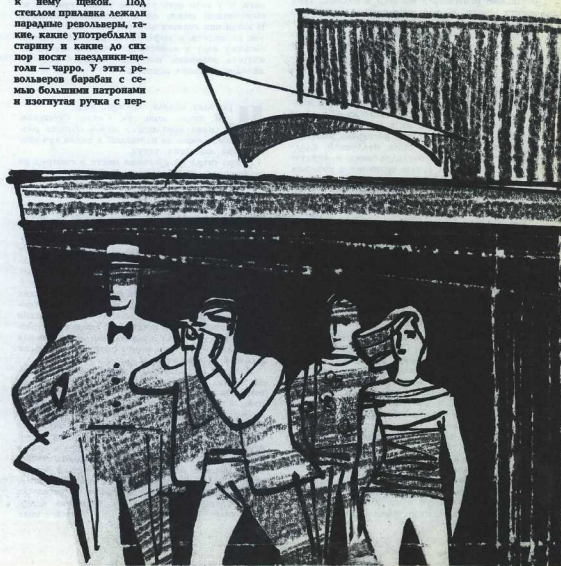
Если ракеты останутся, их принесет обратно молодой сеньор. — Теперь, когда отец улетит деньги, он уже и Педро называл сеньором.

Они вышли на улицу. Педро нес тяжелый сверток.

— Ты хочешь устроить фейерверк? — спросил он.

— И еще какой! — сказал отец и в первый раз за все праздничное время улыбнулся.

Ночью Скала Прыгуном оживил. На площадке загорались гирляндами разноцветных ламп и заиграли оркестр. Ветер гасил высокие звуки скрипок, но «брум-брум» гитар в сухом подпевавшие марьякос было хорошо слышно.

На площадке потянулись туристы. На балконах отел и веранде ресторана появились люди. Море под обрывом свалилось с ночным воям. Впервые такая радом с яркой освещенной площадкой казалась еще чернее. По скале — десять шагов вперед, десять шагов назад — ходил Фернандо. Он выжидал, пока не выступит плазменный край скалы с ним шагал Педро. Еще была человек, но Педро знобил.

— Отец — сказал он и постарался справиться с голосом. — Я нас очую пронау: не делайте этого. Волны не видны. Вы разобьетесь. Аутен — сказал отец — и не разобьетесь. Мне не нужно видеть волны. Я ее слышу. Сколько до адреналина?

Педро посмотрел на часы. Часы были кудавы на деньги директора отела. У новых часовых были расписаны часы работы, трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

— Десять минут — сказала он. — Пора, решительно прозвонит отец. Он сжал больше кистом, разулся и остался в одних плашках. Кистом он безжалостно вынул трепки, светящиеся в темноте. Как обрвался был Педро в другое время, что у него на руке такие часы! Но сегодня он не радовался. Цифры расплывались в уют перед глазами. Он отскочил на ступу.

Оркестр заиграл громко и весело. Педро начал карабкается в бухту, чтобы по верхней дорожке добраться до скалы.

— Отец — кричал он. — Отец! — Но его голоса не было слышно. Шумел прибой, гремела музыка. Он подбежал к берегу, освещенному прожектором. — Отец! — крикнул Педро. Но его крик был слышен только в воде. Больше он не кричал, а только смотрел в воду. И другой он услышал голоса отцом рядом с собой.

— Ты здесь откуда выискался! Отец поднялся и вышел на край обрыва. Он обнял Педро за плечи и похлопал по спине. Так мужчина здоровается с мужчиной.

А потом они вместе с отцом медленно шли к верхней площадке. Луч прожектора освещал их. Отец прикрывал глаза ладонью. Педро жмурился от сильного света, а зрители кричали, хлопали в ладоши, свистели. И прыгали тоже кричали: — Ура, Фернандо! Bravo, Чуть-Чуть! Bravo! Ура!

Каждый из них понимал, что значит сделать то, что сделал Фернандо.

Визгу по-прежнему — море, на горе — галшиная доренка, на берегу — белые тучи. И по-прежнему у море выступают Скала Прыгунов. К ней пришла новая слава. Уже несколько прыгунов прыгают ночью, и ракеты, все больше заезжайные и яркие, вспыхивают над черной водой. И Педро больше не закуривает газла, когда прыгает отец. Он стал старшим, прыгает сам и теперь знает все про прыжки не только глазами, но сердцем, задохнувшись на миг, ругаясь, ногами, кожей. Тогда по ночам отец кричал и разводит ему прыгать. Но наступает день, и он скажет: — Отдыхайте, отец. Теперь буди прыгать только я.

Но этого еще далеко. А дела на скале нудно непохожо. Хорошо идут дела на скале!

Многое изменилось дома с тех пор, как Фернандо приучил свой ночной прыжок. Педро сидит в кресле, а в кресле, на восточной стороне, и у него есть уют не только гуарачи из сырматовой кожи, но и настоящие ботинки. И когда он садится за стол, они прыг не найдут из шиваля, а кофе. И встретившись, можно таскать воду и канвастра — можно теперь заллатить водозову, который развозит воду до колодца на своих осликах.

И приходит неделя, месиди, год. И снова ночь на скале Прыгунов. И снова закатился, а потом погасли развозные лампы на площадке, и снова луч прожектора высветил ступу.

Педро стоял на обычном месте и смотрел на светящиеся стрелки часов. Это была уют его собственные часы. Он следил за стрелкой, но думал не о времени, а о том, что завтра не нужно прыгать. Девят часов было, и он увидел, что там в зал, построенный на носсе олого безвозраправочной стамии. Там собираются шофера, механики, продольцы. Сами приходят и молодые прыгуны со скалы. Здесь нет чужих, и им хорошо тут. Может быть, они когда-нибудь заработают на этой скале столько денег, что можно будет выучиться на шофера.

Без одной минуты... Музыка на площадке смолкла. Педро услышал дыхание отца, слышал и ровное, как всегда. Отец недавно опять изменил свой прыжок — люди хотят разнообразия. Он стал прыгать, когда от фитила оставалось чуть-чуть, тогда ракеты вспыхивали в воде, и он хорощо тут. Может быть, он когда-нибудь заработает на этой скале столько денег, что можно будет выучиться на шофера.

Без одной минуты... Музыка на площадке смолкла. Педро услышал дыхание отца, слышал и ровное, как всегда. Отец недавно опять изменил свой прыжок — люди хотят разнообразия. Он стал прыгать, когда от фитила оставалось чуть-чуть, тогда ракеты вспыхивали в воде, и он хорощо тут. Может быть, он когда-нибудь заработает на этой скале столько денег, что можно будет выучиться на шофера.

И вдруг Педро увидел, что ракета вспыхнула не так, как всегда, а перед самым лицом отца. Он услышал не выдох, с которым прыгал отец, а стон. На фоне черной шивы небо было видно, что Фернандо летит в провал, не расклевывая руки, а прыжак их к лицу. Да и не летит он — он просто падает! Но перед самой водой отец прогнулся, выбросил руки вперед и вошел в воду, разведя ее, как нужно ходить, чтобы избежать опасности. Он прыгнул, как всегда, но не прыгнул, как всегда, а прыжак их к лицу. Да и не летит он — он просто падает! Но перед самой водой отец прогнулся, выбросил руки вперед и вошел в воду, разведя ее, как нужно ходить, чтобы избежать опасности.

Но Педро некогда было думать об этом. Он едва удержался, чтобы не прыгнуть вслед за отцом. Бессмысленно! В черной воде

он его не увидит среди вылетающих плашек.

Задыхался, он подбежал к тому месту на противоположном берегу, куда всегда вымывал отец. И он увидел его. Только отец плала не так, как всегда, а неровными гребнями, от которых было много брызг. И он плала почему-то не к берегу, а в сторону. Отец прыгнул в воду, проламал по одной волной, по другой, вынырнул, переждал секунду, пока луч света, который мешал ему смотреть, ушел в сторону, раздался, отец и поплыл к нему.

— Я здесь. — Не вижу, — ответил отец. — Помогите мне. Они выбрался на землю. Отец снова прыгнул в воду к лицу. Когда луч прожектора выбежал из воды, Педро прыгнул в воду, и кровь текет кровь. Оркестр играл весело и громко.

Визгу по-прежнему — море, на горе — галшиная доренка, на берегу — белые тучи. И по-прежнему у море выступают Скала Прыгунов. Фернандо Чуть-Чуть больше не приходит на скалу. Но это потому расплывался прыжок. Он вылетел без расклевывая глаза при прыжке «Сельвора, когда мы нынем про смертельно опасные прыжки, мы не превращаемся».

Ночные прыжки продолжают другие, с тех пор, как прозвонил несчастный случай, здесь слышно много зрятели.

Педро тоже не приходит на скалу. Когда отец оправился, он сказал сыну: — Ты прыгать не будешь. Педро ничего не ответил.

— Ты поiveness другую работу, — сказала отец. — Обещай мне. — Он схватил сына за плечи и свально его пограс.

Глядя отца в лицо, тушь, где прежде была галшиная доренка, — черная повязка. Педро сказал: — Обещано.

— Утром мать, как всегда, уходит в прачечную. Педро — искать работу. Отец сидит на солнце. Он по-прежнему больше не прыгает: солнечный свет ему теперь не мешает. И дома снова прыг прыжок, а не кофе. И девочка снова таскает в гору тяжелые канвастры с водой. И для того, чтобы отвести отца к врачу, Педро прыгнул.

Наступил день, когда он сказал: — Отец, простите меня, я вернулся на скалу. И отец крикнул то, что когда-то говорил ему сыну: — Не пущу!

Прошло несколько дней. За ужимом — на столе была только жареная банан и вчерашние лепешки — отец спросил: — Где Педро? И он слышу.

— Намея работу на вечер, — сказала мать. Отец встал из-за стола, прошел в конец комнаты, выткнув перед собой руку. Он еще не выучился ходить вслепую. Он подошел к локвам и промолв рукой по верхней.

— Ракеты где! — закричал он. — Отдаю товарищам, — ответила мать. Голос ее звучал неуверенно.

Фернандо выбежал на улицу. Он не видел, но знал, что в этот час перед домами стоят и сидят соседи.

— Эй вы, кто-нибудь! — крикнул Фернандо. — Проводите меня до мостика на скалу. — Конечно, нет, Фернандо, — ответила кося соседского сына.

Опираясь на его руку, Фернандо медленно стал спускаться по тропинке, по которой столько лет вошел отец. Он слышал вдали шум воды.

А по другой тропинке, обгоняя отца и его прожогом, бежал мать. Она успела, задыхался, сказать Педро: — Не поверни отец. Скали идет! Педро бескомпромиссно пошел на товарищ.

— Уходи! — сказала Андрос. Он топился стар главным среди прыгунов. — Мы скажем Фернандо, что ты нашел работу в баре на носсе. — Какой смысл? — ответил Педро. — Там всякий раз кто-то слышит, что ты прыгаешь. Но если вы все будете молчать, он меня не увидит. Прыгуны загудели. Обмануть Чуть-Чуть! — Иной! — сказала Андрос. — Он ирвал Уходя, ты Фернандо, — сказала она матери. — Больше беды не будет. Мы стали осторожнее. Мать шагнула к Педро, чтобы что-то ему сказать, но он не задоржало лицо, и она молча пошла со скалы. Около лестницы ей пришлось отступить в сторону. Держась за перила и

МИНИСТР ОТВЕЧАЕТ

осторожно ступая, по лестнице шел Фернандо. Он отпустил прожогового. На скале тот ему был не нужен. И мать боялась вздохнуть. Ей казалось, муж попросту не захотел жить.

— Бунаас вочес, друаза,— сказал Фернандо.— Пришеа к вам. Соскучался.

— Бунаас, Чуть-Чуть,— хором ответили все прыгуны, кроме Педро. А Аларес сказал: — Хоршан, что пришеа? Мы тебе радые.

— А паревь мой тут?— спросил Фернандо.

— Нет,— ответила Аларес и засмеяла Педро собой, будучи отнюдь не утешена.

— А прыгате вы там отуда?— спросила отец.

— Отуда,— ответила Аларес.— И мы залаптим ему за них догвля. Для тебя. Педро нашла работу на вюссе, в баре.

— Это хоршо,— сказала Фернандо.— А теперь посылате меня коако образва. Послушаван, как вы прыгате.

— Не поверял,— шепотом сказал Педро товарищам, когда прыгуны посадили отца на камень.— Что делать?

— Прыгате,— твердо сказал Аларес.— И ты бы лично не называл имен. Поваляй!

—...А когда все кончилось, прыгуны обступили только Фернандо и пошли провожать его со скалы. И тогда Педро решил строить ему казюк, что отец его узнает. Он даже ве рнулся прийти домой воевать.

— Меня хоршо встречала на скале, старая,— сказала Фернандо матери.— Паревь в сарае мое дело отдам им раветья. Ето там не близко. Ну, чего ревешь... Все хорошо. Он работает в баре. Хватит дома и одного калеки. А теперь покори меня, что-то есть захотелось.

Но на следующее утро Фернандо снова забеспокоился. И стаа собираться на скалу.

Так стаа всегда в день прыжков. И прыгуны уже привыкая к этому. Они усаживали его на камень, не называя друг друга во имена. Педро прыгала в молчье. После прыжков прыгуны обступали Чуть-Чуть. И пока он давал им совета, Педро убегаа домой.

Иногда Чуть-Чуть недоверчиво спрашивал: Паревь моего тут лет?

Прыгуны отодвигали глаза в сторону:

— Он и ве показывался сюда.

— Должно быть, его в баре приворожила какая-нибудь длинноногая,— прибавляла Аларес.

И отец успокаивался.

Педро стоа на уступе и ждал, когда смолкнет музыка. Сегодня он готовился показать новый трюк, который придумал и выучил дома. Рабев, выстрел, толчок, салты — все удело чисто и красиво. Видел бы это отец!

Когда Педро подымаа к берегу и выхлуда из воды, он услышал, как на площадке кричат:

— Браво, Педро!

Только потом он узнал, как это воачулось. Крикнуа директор отеля, который в этот день оказался на скале с почетными гостями. Он не знал, уговора прыгунов. Он любиа колорит, который они создавали курорту, а как мог, делал для них рекламу.

А Педро долго не решился подняться вверх. Он знал, что там его ждет отец. А когда он все-таки нача медленнее подниматься на площадку, все зрители закрывали ему:

— Браво, Педро, браво!

Педро подошла к отцу.

— Простите меня,— сказала он в мать, и ваян мамаша жилаа злоао.

— Я тебя не видал,— ответил отец.— Такая жизнь!

Внизу по-прежнему — море, на горе — гадинаа деревня, на берегу — плоские горы безымях отелов. По-прежнему по ночам на площадке играет музыка и загораются развлекательные лампы. И все чище над площадкой звучит:

— Браво, Педро!

Никто не может заставить прыгуна прыгать ночью, делать двойное салты, прыгать с шутками и раветьями. Но никто не может и заставить людей смотреть сегодня на то, что они уже видели вчера. Люди хотят разнообразия. И, как всюду, на скале все меняется.

Но меняется только одно. Каждый вечер на скале появляется семейная оловянка — Фернандо. Он Чуть-Чуть. Он разбирается радом с сыном на уступу, опытно проверяет, как тот держит ракету, говорит сыну:

— Давай. Все в порядке.

И сам, на опыта, поджидает ракету. Сначала правую. Потом левую.

В «Смене» № 9 было опубликовано открытое письмо министру транспортного строительства СССР Е. Ф. Коженихиноу от комсомольцев — строителей железнодорожной линии Ачинск — Абаканово. В этом письме перед министром ставилось несколько вопросов, связанных с улучшением организации труда и быта молодых строителей. Корреспондент «Смены» побывал у Е. Ф. Коженихино и попросил его в связи с этим ответить на несколько вопросов.

ВОПРОС: Скажите, что послужило причиной расположения станции Суриково в заболоченной местности?

ОТВЕТ: Как известно, расстояния от одной станции до другой, а следовательно, и места строительства различных пунктов определяются соответствующими расчетами, исходящими из необходимой пропускной способности железнодорожной линии.

Трасса строящейся железнодорожной линии Ачинск — Абаканово в районе станции Суриково на протяжении более 50 километров проходит по заболоченной местности. И для того, чтобы расположить станцию Суриково в более благоприятных условиях, пришлось бы отодвигать ее от места, определенного расчетом, на 20—30 километров, что недопустимо. Поэтому изыскатели вынуждены были расположить станцию Суриково в заболоченной местности.

ВОПРОС: А что вы скажете о целесообразности применения в строительстве сборных водопроводных труб, о которых пишут комсомольцы, вместо бетонных?

ОТВЕТ: На железнодорожной линии Ачинск — Абаканово необходимо построить 183 железобетонных водопроводных труб, из них 154 круглые и 29 прямоугольные. Все круглые трубы заводского изготовления, а стальные сборные на заранее изготовленных элементах.

Строительство же прямоугольных труб мы вынуждены осуществлять на месте из монолитного железобетона, так как при строительстве в сборном варианте, как предложили авторы письма, транспортировка антогонных элементов этих труб по бездорожью, даже в эминных условиях, сопряжена с большими трудностями и практически невозможна.

ВОПРОС: В письме указывается, что на северном и центральном участках в прошлом году механизаторы сидели на голодном пайке горючего. Так ли это?

ОТВЕТ: Несмотря на то, что в общем в 1961 году механизаторы были обеспечены горючим полностью, в соответствии с нормами имели место отдельные случаи несвоевременной доставки горючего в мехпункты, особенно в период уборочной кампании, когда часть горючего была передана колхозам.

ВОПРОС: Скажите, Евгений Федорович, что предпринято министерством, чтобы улучшить условия работы мехколхоз на строительств линии Ачинск — Абаканово?

ОТВЕТ: Комсомольцы правы. Действительно, трест «Арзстройиндустриализация», осуществляющий руководство почти двадцатью механизированными колоннами, расположенными на значительной территории от Урала до Восточной Сибири, не мог подчас оперативно принимать нужные решения. Вот почему для улучшения руководства механизированным строением железнодорожной линии Ачинск — Абаканово, южной администрации в мае этого года принято решение организовать на месте оперативную группу треста «Арзстройиндустриализация».

ВОПРОС: А чем объяснить, что по ряду строительных подразделений планы текущего года не выполняются в письме. Будет ли обеспечено фактическое выполнения за прошлый год?

ОТВЕТ: Это объясняется тем, что Совет Министров РСФСР, финансирующий строительство

линии Ачинск — Абаканово, несмотря на возращение Министерства транспортного строительства, выделила на 1962 год меньше ассигнований, чем было отпущено в прошлом году.

В связи с тем, что эти ассигнования не обеспечили выполнения поставленной задачи, открытой в 1962 году рабочее движение на всем протяжении этой линии,— министерство обратилось в правительство с просьбой об увеличении на 1962 год объема капитальных вложений по этой строите.

Эта просьба была удовлетворена, план нынешнего года строительным организациям увеличен на 1,5 миллиона рублей.

ВОПРОС: В связи с сигналом со строики хотелось бы узнать, какие мероприятия проводятся министерством по улучшению быта рабочих линии Ачинск — Абаканово.

ОТВЕТ: Сейчас на железнодорожной линии Ачинск — Абаканово работает 27 промтоварных и продовольственных магазинов, 9 столовых, 10 клубов.

Недавно на строительстве выехала группа руководящих работников министерства. В результате совместно с начальником комсомольского штаба ударной стройки Ачинск — Абаканово тов. Мазыков и начальником треста «Арзстройиндустриализация» тов. Владимирским решено открыть дополнительно еще 4 магазина на станциях Суриково, Писца, Абаканово. Для них отгружены широким ассортиментом товары московских и ленинградских фабрик. Строители уже получили сверх фондов различных промтоваров на 175 тысяч рублей (тут и различные ткани, и обувь, мыло и лаковые пласть и костюмы, приборы для бритья и многое другое). Кроме того, увеличена выпечка булочных и кондитерских изделий. По комсомольским путевкам к строителям выехали из Москвы четыре опытных кулинара-инструктора, а также несколько квалифицированных поваров.

Министерством принимаются сейчас необходимые меры и по улучшению жилищно-бытовых условий строителей. В этом году запланировано поставить мехколхозом 18 домов «МП-1», 12 жилых вагонов и автодомов.

ВОПРОС: Каким образом созданы на стройке для повышения квалификации молодежи?

ОТВЕТ: Их немало. Во-первых, молодые рабочие, не имеющие специальностей, в течение трех месяцев обучаются избранной профессии у квалифицированных бригадиров и мастеров. Причем за это время им выплачивается тарифная ставка. Для желающих повысить свое образование открыты школы по изучению передовых методов труда; без отрыва от производства на стройке можно стать шофером, бульдозеристом, крашником. Кроме того, по рекомендациям общественных организаций молодой человек может быть направлен в техникускую школу министерства, где за время обучения ему выплачивается стипендия до 69 рублей в месяц.

По данным, которыми я располагаю, в нынешнем году вторым профессионалом обучаются на стройке 216 человек.

В заключение беседы министр говорит, что письму строителей линии Ачинск — Абаканово помогла и устранением недостатков, и через «Смену» желает молодым строителям новых успехов в труде.

МАНИТ

— ИСКРА! — сказал Птиховников.

На мгновение стало совсем тихо, и сквозь эту тишину четко прозвучала ругала жаворонка. Потом метр и полтора над бассейном взметнулся фонтанчик воды, и слух ударил негромкий, но гулкий удар.

Из бассейна подняли матрицу с прикаткой к ней деталию. Минуту назад на матрице лежал — а сам это видел — лист сверхпрочной дестимиллиметровой стали. Сейчас лист превратился в деталь, поражающую и своими размерами и повтором всех углублений, бороздок, выпуклостей, ребер, овалов, окружностей, которые передавала ей матрица.

— А вы говорите,— улыбнулся Птиховников, хотя, пораженный священным дивным сил, законченным в малосекундное пакете с алмазным, и не вымолвил ни слова.

В конце сорочковых годов Ростислав Вячеславович Птиховников было поручено весьма неблагодарное дело. Ему предстояло предсказать, теоретически обосновав свои предсказания, как год от года должны расти пределы прочности металлов. Эта работа имела космические перспективы. Она прогнозировала и новые конструктивные решения станков, машин, литейных аппаратов, судов, зданий, и расклады металлов, и планы развития металлургии. Здесь мало было обладать даже энциклопедическим запасом знаний. Здесь надо было уметь мечтать; уметь предвидеть, что потребуются металлы — и какие именно — для создания космических кораблей, для самолетов, которые обретут скорость в несколько тысяч километров в час, для вращающихся деталей космических установок. Здесь нужен был смелый теоретический расчет, помноженный на философское осмысление будущего техники. Птиховников создал таблицу перспективного роста прочности металлов.

В руках конструктора оказался верный комплекс. Он позволял решать новые инженерные проблемы. Ведь чем более мощное вооружение, тем более легкие, экономичные и лучше работающие конструкции можно было сделать от них.

Таблица Птиховникова привела в восторг специалистов. И, пожалуй, в то время только Ростислав Вячеславович глядел на нее с тревогой и грустью. Для этого у него были веские основания. Он думал о том, как через несколько лет технологии будут обрабатывать сверхпрочные металлы. Разным? Штамповкой?

Резанием... Но ведь если прочность металлов увеличится, например, вдвое, то мощность станков тоже надо увеличивать не меньше чем в два раза. Кроме того, чтобы обрабатывать сверхпрочные сплавы, нужен инструмент из материала еще большей прочности. Штамповкой... Но даже существующие сейчас самодельные пресс-формы чудовищно громоздки, дороги и сложны в эксплуатации.

Птиховников понимал, что для обработки металлов нужны принципиально новые технологические процессы, что без этих процессов невозможно развитие новой техники, как, скажем, в авиации невозможно было двигаться через звуковой барьер, не имея реактивного двигателя.

Бор. СЕМЕНОВ

Фото В. ТЮКЦЕЛЯ.

Думая о возможности штамповки, о том, что у прессы для обработки новых металлов не хватят сил, он вспомнил о своей давней находке из освобожденного от фашистов Харькова. На куске металла была хорошо видна глубокая вымятина, видимо, след оставленного неразравившимся сверлом.

«А что, если для обработки металла использовать силу взрыва? В самом деле, взрыв — это не что иное, как форма выделения энергии. В кузнечных молотах электрическая или паровая энергия заставляет двигаться «бабу», которая в конце концов деформирует металл, придавая ему нужную форму. Ну, а если «бабу» выстрелит из пушки?»

И в институтскую лабораторию привозят противотанковую пушку. Пушка заряжается снарядом-бойком. Закладывается заряд. Выстрел. Боек пробивает лист металла и... оставляет толстый край разрыва.

Эксперимент сменяется экспериментом. Меняется вид бойка. Меняются величины зарядов. Вновь «букает» пушка. Но бойки по-прежнему разрывают металл. Кое-кто иронически улыбался: несерьезно браться за исследование края разрыва; и без того очевидно его хрупкая структура. Но Птиховников снова принимается за опыты. Он ищет силы, которые не дают металлу «кататься» вслед за бойком.

Это не спортивное оружие. Это пистолет, способный сжимать очень толстые детали.

Сила трини... Так вот где зарыта собака! При ударе бойка именно эта сила ударяет металл, именно она запрещает ему деформироваться. Надо укротить эту силу. Надо найти новую «маму».

И снова бабахнула пушка. Бока ударился в лист, потянул его за собой, потом остановился. Птиховников вышел боком из изумительно точной по очертаниям выштамповки — она была зеркальным блеском бойка.

Пушку научили резать металл очень большими сечениями. Научили клепать огромные детали (представьте себе заклепку диаметром в сто миллиметров). У пушки появились многозарядные магазинчики. А сама она стала как бы матерью различных пушечек, ружей, пистолетов.

Но Птиховников решил избавиться и от пушки и от бойка, а энергию взрыва сразу превратить в энергию деформации металла. Но как добиться, чтобы сам взрыв обрабатывал металл? Возможно ли это? Да. Если на примитивную матрицу положить лист металла и в воздухе над ним взорвать заряд взрывчатки, можно получить хорошую штамповку. Это в теории, может, даже в практике лабораторий. Однако подобный процесс непригоден для промышленности.

И все же Птиховникову было ясно, что он на правильном пути. Все четче и четче становилась для него контуры принципиально новых технологических процессов. Он считал, экспериментировать — и не получая желаемого результата. Но он упрямец и стоял на своем. Наконец он решил штамповать а... воде. Вода поглотит грохот взрыва. В ней останутся куски облошка зарядов. Она не даст образоваться вымятинам на поверхности изделия.

Во дворе института роят бассейны. Первый опыт. И — удача! Значит, теперь величина штампованной детали зависит только от величины бассейна да количества взрывчатки, заложеной в заряд.

...Так уж заведено: прежде чем идти к бассейнам, Ростислав Вячеславович обходит лабораторию, где трудятся его ученики и коллеги. Вот подумай он к установке, созданной Б. А. Черепениковым. Она удивительно проста. Ее можно применить на любом заводе, где есть природный газ. Ведь газ, если заставить его очень быстро сгорать, создаст ударную волну, которая с громадной силой обрушится на обрабатываемый металл.

С Юрием Николаевичем Алексеевым идет разговор о пластических деформациях металлов при сверхзвуковых скоростях. По этому поводу у Юрия Николаевича есть своя теория. Алексей Никитович Зайцев показывает отверстия, калиброванные им с помощью энергии порохов.

Альфред Петрович Барусков тишит профессора с своим установкой. Вынимает Барусков взрывчатку... воздух. Да, да. Это вполне возможно, если сначала воздух сделать жидким, а затем заставить испариться.

В жидком состоянии благодаря разным температурам кипения воздух разделяется на две основные составляющие: кислород и азот. С кислородом возится не стоит: он окисляет металл, и его соединение с органическими веществами может привести к нежелательному взрыву. Азот — другое дело: он инертен, не реагирует с окружающей средой. Работать с ним совершенно безопасно.

Еще совсем недавно здесь, в лаборатории, в замкнутой камере, куда был помещен штампуемый предмет, навалили жидкий азот и жидкий его испарения. Испарения, со с огромной силой давил на заготовку. Ну, а если заготовку поместить в бассейн с водой и ввести туда жидкий азот? Здесь тот же эффект, что и при работе взрывчаткой: мирный, добрый, безопасный взрыв.

ПРОФЕССИЮ

Вместе с Пихтовниковым я иду сегодня по лаборатории. И всюду его идеи, развитее его учениями, объяснения в устныки, которые из этих слов дано пора перенести на заводы. Варья штампует листы и объемные детали. Варья режет металл. Варья склепывает. Варья прессует. Варья пробивает отверстия.

— Стоп! — скажет мной читатель, изначальный долей скепсиса. — А как с качеством? И насколько все это удобно и экономически выгодно для производства?

Известно, что точность штампуемых деталей зависит от точности изготовления матрицы и степени деформации колонн пресса. При обработке взрывом нет прессов, значит, и нет иванов колонн. Следовательно, штамповка будет абсолютной копией матрицы. Изготовление же самой матрицы — дело совсем простое. Матрицу можно сделать из дерева и облицевать тонким металлом.

Теперь об экономике. Вот некоторые расчеты. Один код прессы мощностью в семьдесят тысяч тонн обходится примерно в сто рублей. Стоимость заряда, производящего ту же работу — доли копейки. Кстати, на прессе, который стоит полтора миллиона рублей, и в бассейне, строительство которого в институте обошлось в полторы тысячи, штамуются одинаковые детали. К тому же амортизация оборудования в прессовом цехе неизмеримо выше, а энергии здесь расходуется почти вдесятеро больше. Стоит при этом помнить, что создание прессового цеха обходится в четыре раза дороже, чем создание цеха, где работает взрыв! И еще: создание прессы — это не только денежные средства. Это колоссальный труд тысяч людей и расходы диверсионных материалов.

...Мы стоим рядом.

Испра! — говорит Пихтовников.

Матра на полторы миа бассейном, подминается фонтанчик воды, и до слуха доносится громкий, гудящий удар.

А здесь работают Оружьи «коружия» — из действия пушек, пушек и ружей, созданных для обработки металла взрывом.

Медленно оседающие капли водянго фонтанчика похожи на фейерверк праздничного салюта, а гудящий удар — словно победная канонада в честь одной из крупнейших технических побед нашего времени.

***

На этом можно было бы и закончить рассказ о прирученном взрыве. Но...

С момента, когда появилась реальная возможность внедрить в промышленность изобретение Р. В. Пихтовникова и его сотрудников, прошло больше десяти лет. Лишь в нынешнем году, и то только благодаря стараниям самых ученых, основанной новых технологических процессов стали заниматься тридцать организаций. Ничтожная цифра!

В чем же дело? В первую очередь в том, что предприятия ничего не знают о новом методе, о его колоссальных преимуществах. Многие руководители попросту боятся самого слова «взрыв». При этом они забывают, что даже их автомобиль движется потому, что в цилиндре двигателя работает взрыв: он толкает поршень. Но алмамент столь же безопасен, как и бензин, ибо без детонатора его невозможно взорвать.

Луч «акомсомольского проектора» должен осветить все рабочие места, где пока «мучаются» прессы и где может работать взрыв. Молодые инженеры, техники, рабочие должны всерьез заняться внедрением в промышленность нового технологического процесса обработки металлов. Ученые всегда помогут им в этом.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

ЦЕЛЕБНЫЙ ГАЗ

В Чехословакии на курорте в Слмаче успешно применяются новые методы лечения болезней сердца, кровеносных сосудов и высокого кровяного давления. Из углекислой воды, с температурой 34 градуса выходящий газ, который используется для инъекций больным. Этот метод в сочетании с теплыми ваннами и лечебной гимнастикой был применен для лечения 250 больных и дал очень хорошие результаты. После инъекции газ распространяется по всему организму, улучшая кровообращение в конечностях.

ТЕЛЕФОН БЕЗ ПИТАНИЯ

Во Франции сконструирован телефон без внешнего источника питания. Предназначен он для работы в атмосфере, насыщенной газом или парами. В основу работы телефона положен принцип: акустическая энергия голоса человека преобразуется в электрическую, а на другом конце линии происходит обратное преобразование. Этот телефон позволяет поддерживать связь на расстояниях нескольких километров.

Искусственные легкие

Польский врач Збигнев Ясныский сделал четыре операции легких с применением искусственных легких. Операции проведены без вырезки ребер. Другим большим удачей часть левого легкого, двум другим — по целому легкому, заменил их соткой из специального материала — полиэстера. Эксперимент Ясныского закончился успешно. Люди с искусственными легкими — трое мужчин и одна молодая женщина — чувствуют себя здоровыми. Их организм ассимилировала препараты, не показывая никаких биологических изменений.

СЪЗВИФ

Берет у ног.
В руке мелок.
Пост свою пастель
Сосредоточенный Ван-Гог
На острове Сите?¹
Ван-Гог? Помилуйте!
Ван-Гог!
Не веришь — приходи,
Глади, уишь, бери урок,
В берет любовь каади.
Глади,
Где промахи, где фальшь?
Он — это он. Молчи.
Приди, и вырubi асфальт.
И в рамку залючи.
Храни!

¹ Центр Парижа.

Но ты не меценат —
Прохожий неаполит.
В плаще нацупала наутад,
И бросила свой свитки.
Ты задержался на момент,
Уразуметь не смог,
Что этот маленький студент
Не кто иной — Ван-Гог.
Он так изощен, бодр и смел.
Чиста его душа.
В его руке музейный мел,
Не стоящий гроша.
И завтра — Жорж он илн Серж —
Придет сюда опять,
А утром заспанный консьерж
Здесь будет помятеть,
Пойдут мадан в «Самаритян»²
И адвокаты в суд,
Ленново вдаль соборных стен
Картину разнесут
Десетки равнодушных ног —
Тулук тольковых лист.
А он еще шедевр создаст,
На то он и Ван-Гог!

² Крупнейший в Париже универсальный магазин.

Рисует он, ваяет и строит,
Колени преклоняю,
Твой современник,
Твой Ван-Гог!
По имени Сизиф

АРРОМАНШ

Прямо в рифму:
Стоит на провале Дамашч,
Возле самой воды,
Городок Арроманш.
Здесь Нормандия —
Можете рабу купить!
Здесь Нормандия —
Можете сира поить.
Но не рыбой, не сидром
Живет городок:
Пушки ввела
В тяжелый прибрежный песок,
Гордо вздерула свой хобот
«Центурион» —
Сеташили его
На помезный бетон.
Минометы, мортиры
Поставлены в ряд,
Не в лесодом —
В музейном порядке стоят.
Здесь десат
Прорывал «Атлантический вал»,
И музей с тех пор
Городок этот стал.
Было жарких в июне том
Несколько дней,
Здесь погибли
Десетки союзных парней.
Мрамор врыли
В истоптаный берег потом,
Беспорядной рукой
Написали на нем:
«КАЮЮ
К ОСВОБОЖДЕНИЮ ЕВРОПЫ».
И печально
О смерти заморских ребят.
На мотолой вельсех английских
Яд могло в Арроманше
Справедливо скорбя,
Только как же, Воала,
Забьлмы тебя?
Разве здесь,
У подножия крохотных руч,
Опысками к Берингу
Созвоники ключот!

До победы
В обзоз вознал его!
А в Армянках
Никто не терла ничего!

Эту надписи придумали
Вовсе не те,
Кто в могильном лежит
Темноты-тесноте.
Это тот господни
Святотатство писала,
Кто Архангельск терзала,
Кто в Бакичея стрела.
Не хочу я обидеть
Созвоных ребят,
Что вокруг Арроманша
В мотала асфалт,
Но от имени навших
Над Волгой-рекой
И стотысячно вставших
За мою спиноу
Говорю тебе, тот господни:
— Помолчи!
Нет,
К победе
Твои не подходят ключот!

СТЕНА КОММУНАРОВ

На кладбище сонная осень,
Щурьящие тропки пусты.
К стене Коммунаров приносим
Печальные наши цветы.
Словами не вылишь раны,
Сердце, а не речи важны.
Мы просто половам тропками
У этой горючей стены.
Простая кирпичная каада —
Расстрелял шеробатый фасад.
Надменные стражи пограда
В своих неверниках стоят.
Как будто боится чего-то,
Мязчат здесь целые дни,
Не как атрибуты лощета —
Живых изнуают они.
Живи, еси страхом обьят ты,
Но встань под знамена Весны —
И вздроптуй в руках автомата,
И кровь потежит из стены.
А с нас они гула не спускаю,
Смотрели припрушено влад.

Назавтра мы были в Версале.
В Версале полиция нет.

Анатолит КРАВЧЕНКО

***

Шумят корабельные сосны,
шумят.
Им ревно иль позаво
на судах стоять.
И слова с ветрами
сраженые весты.
И только уже
никогда не извести.
А заместо вестей
пируса поднимать.
И к дальним огням маяков
привлекать.
И ждуть
каждый миг,
каждый день,
каждый год,
что шпорном сломает
и прорь унесет.
И будет таскать
по морям наугад...
Шумят корабельные сосны,
шумят.

Александр КУНИЦЫН

ВЫСОТА

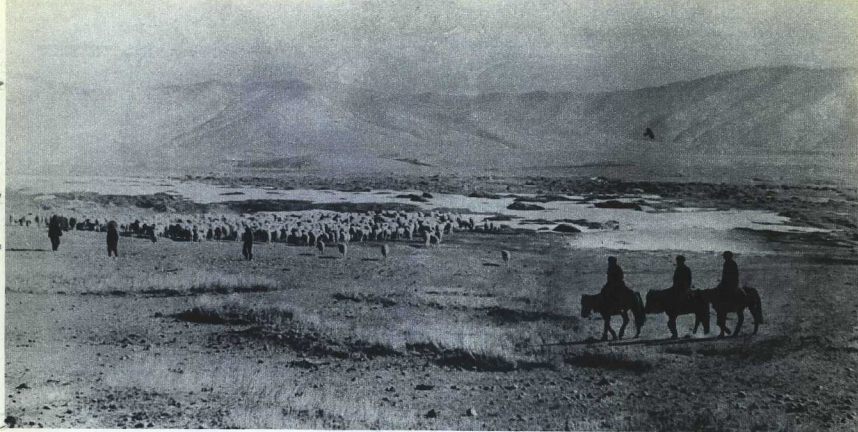
Мы, упрямые парни, работаем,
На высотах тааких, где в рост
Приподнимаешь звездного ночью
И захватить охапку звезд.
Наши крепкие руки в мозолях.
Нас усталость не ваяет с ног,
Мы привычны и к службе и к знюю
И обычно яе видам слов.
Мы, шатаясь, усталые, гордые,
После смены идем своей.
...С высоты нам не только город —
Коммунизма огни видялй.

Феликс ЧУЕВ

ТЕ МАЛЬЧИКИ...

Те мальчики — градуище веселые,
Родясь уже достижими вершини,
Начнут опять с помоланных буддализмов...
А может, с помоланных машини.
А мы, небрытые, в потертых куртках,
Пройдем по тропам — чых-то старых снов,
И нас навивно выдувает скаулитор
Для этих одержимых пейзапов.

Посвящение в рыцари

Горы, горы кругом. Особенно выдвигается одна, высоченная, с алядой вершиной, уходящей в синеве небо. Гора подвывает своей огромностью, но кажется не мертвенно-неподвижной, а только алядой. Появляются великие Солнечные лучи бьют из-за плеча горы, и всадник кажется поскаким черным силуэтом. Это напоминает мне рисунок на коробке «Казбек».

А верховой между тем подвывает к газетному киоску и, не сходя с седла, покупает свежий номер газеты. «Ремити» — благодарит он киоскера и тропит коня по прямой, заросшей пирамидальными тополями улице Джеты-Отгуза.

От Москвы до Джеты-Отгуза тысячи километров. Волга, Аральское море, Иссык-Куль. Леса, степи, пустыни.

— Эти горы видишь? — спрашивает меня инструктор райкома партии.

— Виску.
— А те, что дамыне?
— Виску.
— А те, что за теми, которые дамыне?
— Виску и те.
— Так вот за теми, которые за теми, что дамыне, — скрыты, отгонные пастбища. Там страна Чабанья... Там будешь чабаном.

Самолет проскользнул в узкое ущелье и пошел на посадку. Протарив за собой шлейф пыли, наш АН-2 подбурла к домикам культурного центра Ак-Шырмак. Стрелка километровая застыла на делении 3100 метров. Вот они, скрыты! Ни куста, ни дерева — только желто-зеленая трава.

К самолету спешат люди. Все они в ватных костюмах, в зеленых кирзовых сапогах. Здесь, в урочище Ак-Шырмак, тепло: горы защищают поселок от ветра, и снег не держится здесь более су-

ток. Но это в Ак-Шырмаке. А километры в десятке отсюда — там совсем другое дело. Там мечутся по скалам бурны и ледяные ветры трубит в свои трубы. Там бродят по горам стаи волков и стада никнов — диких козлов, там не спеша шествует по гребню медведь и снежный барс несмешно крадется по тропе. И чего там только нет, в десятке километров от Ак-Шырмака! Через час и поеду туда, к отаре козлова «Уагы».

А пока что несут князичий сапожок и вот уже чих, кренчик, дупиный, разливает по пылаю. И вместе с чаем приходит сердечные, добрые разговоры. Так уж, наверно, заведено во всем мире.

— Как там, виску?

— Сколько часов идет самолет от Москвы до Фрунзе?

— А Гавриля не выдал? — Жалею, не вернулся еще Шарип из Иптыка. Шарип — вот кто смог бы рассказать о сыртах, как никто другой!..

Людям готовы — нужно трогаться в путь. Мне торжественно вручают палетку — камку; это рационально здесь посвящение в рыцари. Вообще-то ее необходимо заслужить камку. Но в данном случае, по-видимому, смысла склда.

До юрты Узак Макина километров двадцать. Восемидесятилетний Узак — хозяин юрты, но не отары. Его двадцатилетний сын Аман — вот кто здесь старший чабан. Он недавно закончил десятилетку, и его знания вместе с пезмерными опытом отца — достаточная основа для управления катерным «кораблем» отары. Аман и вправду похож на капитана — бляжюк на груди, кругом — необъятные просторы зеленых вод. А старый Узак — «старшом» капитана.

Впрочем, такая система действует только в «открытом море». Здесь же, в юрте, куда исходит из своей места, здесь иная система правления.

— Сейчас спать, — говорят Узак. — Спит тут у нас по-суворов-

СТРАНА ЧАБАНИЯ

Д. МАРКИЦ

Фото автора.

ски: ноги в тепле, голова в холоде. А завтра на рассвете погоним отару на выпас.

Я локусь «по-суворовски» — ногам к костру, головой к стенке юрты и вынимаю записную книжку: «Аксжака», «джаклоо», «оаде»... Слова «едр» влет среди валисанных мяно киргизских слов.

Ничего, завтра разберемся...

Овцы не дуры

Половина пятого утра. Женщины уже разогрели суп из баранины — сорпо. Джерма, ячменный квас разлит по пылаю.

— Овца но дура, — учит меня Узак. — Выдеем — сам увидишь.

В небольшом загоне размещаются шестьсот валухов отары Аманя. Бок к боку, только к голове, с склда различима только сплошная серая масса. И на сером фоне — че-

тыре черных пятна. Это козлы, возможные отары. Отодвигаем камитку, и «самый главный козел», с символом власти на шее — звонким бубенцом — выводит отару. Собака сбивает ее в компактный четырехугольник, и мы тропаемся. Теперь командует Аман.

— Вечера солнце прилекало. — Старший чабан поправляет ремешок вытвочки на плече. — Валухов разморило, не ели они ничего. Прогоним их до того кыра — до хребта, там ветер проколот, аппетит придет.

Всходит солнце, и Аман изменяет курс отары.

— Нужно, чтобы солнце пришло, кало их сзади, — не то стукнет, есть не станут. И по ветру, замечай, гоним, здесь в шоль навстречу, тушеют они очень, опять же аппетит терзает.

«Да» — думаю я. — Узак прав: овца не дура...»

— Падеж — вот где беда, — говорит старый Узак. — Кормов не будет — падеж будет. Волков много будет — тоже падеж будет...
Я уже знаю, что в округе появятся волки.

Ш а р ш е

На рассвете приехал Шарше. Первым его заметила Зайна, жена Узака.

— Шарше едет!

А крупный караул, племянник Амава, закрывая так, как закрывала бы на его месте любой караул земского наряда

— Салсе! Салсе!

«Шарше — барс сыртлов» — так сказала мне о нем визу, в райкомовские партии.

Председатель сельсовета Ак-Шайрака Шарше Богачев подыкал к юрте на могучем гнездом коне. На широкой галфе профсоюзателя, поверх ватника, темная свиная шуба, за спиной — боевая карабин: граница арала. На крутые коня — туши овец. Без архаика картина была бы неполной: барс века архаика.

Вечером, только успевая загнать валауков в загон, — тревога.

Первыми испугались собаки. Мы вскочили с кошима, разбрав оружие. Я схватил старуюшко мелкокалиберку, выданную мне как наименее ценному в контракте из волков бойцу.

В загоне происходило что-то необычное. Все шестсот валауков стояли, как солдаты, повернувшись по направлению к опасности. Собаки то подкапывались клубками к ногам хозяев, то снова скрывались в ночи. Мы открыли стрельбу в том направлении, куда повернулись отара. Прошло несколько минут, и отарам словно бы кто скомандовал: «Разойтись!» Геометрически точное построение было нарушено, валауки ложались на землю. Спасались мимовола.

— Это не волки, — сказала, опуская карабин, Шарше. — Это альбирисы — барс. Нужно звать Джумена.

«Падеж. Его угроза нависает ежегодно над многими среднеазиатскими областями страны; засу-

На смену старшему поколению приходит молодежь...

ха нередко ставят здесь свою расклеванную добычу пачать.

На сырых вывях востриба тоже беднее обычного, поэтому на сыртных бегах колхозы запасают пресованное сено, концентраты, кормовую соль.

— Страхуюсь! — говорит забравшим. — На коней, на пожарный...
Сегодня ни свет ни заря прискакал к юрте забавной колхоза имени Шевченко Тенти Шабадинов.

— Ох, этот бахкария — председатель Коржанко, чтоб ему пусто было! — Тенти со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы. — Машин не прислал. Сено выкопать с поля не смогли, что ага! Сами седем, сами косили, сами косили! — помощники не просили. А вывезти как, а? Кормов не будет — падеж будет. Коржанко пабло бурет, мне пабло бурет, всем пабло бурет... — И Тенти, сорвав с головы черную шапочку, от избытка чувств шархует ею на землю. — По-скажу вам, субботник пабло бурет — дайте одного человека, братцы-товарищи!

Решаем, что на субботник поеду я. Тенти шлет с нами чай и уезжает довольный. Сегодня ему предстоит объехать еще ямало отар. Интересный он человек, Тенти Шабадинов! Мало кому известно за пределами сыртков, что именно он, Тенти, первым поднял здесь праху, посеяв овес и ячмень. Двадцать центнеров замковых молочно-восковой спелости с гектара.

В прошлом году засеял он десять гектаров. Насосов ведь нету, полвать чуть не ведрами приходится.

— Эх, дали бы мне насосы! — мечтает Тенти. — Гектаров два-три основно бы. Забыли бы шиферы, как снизу семя таскать...

А пока нет насосов, ввез Тенти еще одно новшество: привез снизу кур и петухов, и впервые на сыртах раздались с восходом солнца звонкие «Ку-ла-ре-ку!». До этого времени кур на сыртловом паолое и не выдвали.

Шарше уезжает сегодня, и мне хочется напоследок распространить его кое о чем. Не зря же котую по сыртным легендам, связанные с его именем!

— Расскажите что-нибудь о себе, — прошу я председателя.

— Что рассказывать! — Шарше восторженно выдвигает папку на глаза. — Живу, как все живу.

...В ту ночь буряи бушевала востро. Звезд не было видно на небе, а утром, когда взошло солнце, оттаявшие снега казались размытыми.

День в Ак-Шайраке начинался как обычно: женщины ставили самовары и поворачивали стул, мужчины чистили ружья и набивали патроны. После буряна наступит затихше, можно будет пострелять арча.

А Шарше, тревожнко сонурив глаза, все поглядывала вдаль: в такие дни, как этот, всегда что-нибудь да случится.

Самы за чай, когда в поселок вьехала замедленная снегом владина. Он был похож на доброго деду-деда-мороза, пришедшего из сказки. Только вот весть он привез совсем не добрую.

— Беда! Душемба Касмалиев из колхоза «Умугу». — Вестник остановился, чтоб перевести дыхание.

— Что с ним? — восторженно Шарше.

— Началась буряи сама злате. Стаяк замера и уснул... Отара разбрелась по урочищу.

— Умер?

— Жив. Растерян его спиритом, да и вшурье прикил валау... В юр-

Барс явно недоволен таким отношением.

те у нас лежит. Все убивается как же быть с баранами.

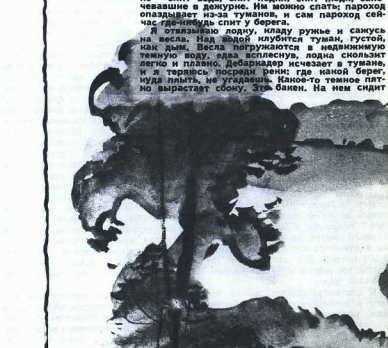
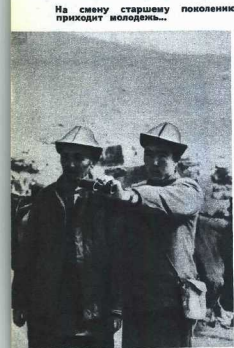
— Ладо. — Шарше уже потягивал пшубу. — А ну, мужичинки...
Касым Куркушев, и Шарши Дюйшев — врач, и замглав, и все, кого задержала буряи в Ак-Шайраке, уехали наповалом теогейрика и туалуны.

До заполоучного урочища недалеко — километров пять. Буряи

Восточные ночи

Добаридер стоит под крутым высоким берегом, но сейчас его не видно — густой плотный туман лет на яму и на луга. Еще только рассвело, еще все потонуло в сон, молчат птицы, молчат деревья, не дрожат листья, ни спускается вниз. Но вот под неясно заскрипела речная галька. В тумане неясно проступают мостки добаридера. Здесь тоже все тихо и сонно — спит вода, спит лодки, спит люди, заночевавшие в дождике. Ни можно спать: паровоз издаст из-за тумана, и сам паровоз сейчас непременно спит у берега.

Я отвлеченно лодку, издаю ружье и сижу на веслах. Над водой клубится туман, густой, как дыма. Весла погружаются в недвижную темную воду, вода всплескивает, вода смывает легкое и плавно. Добаридер исчезает в тумане, и терпеливо посреди реки: гребь нагой берег, чужая лодка, но углубилась. Какого-то темного пятно вырастает сбоку. Это банни. На нем сидит

немного приукат, и ошпы, занесенные снегом, казались снежными губриками.

— Подойди! Сбавляй в отару! — голос Шарие звенел, перекрывая шум ветра.

Когда отара была сбита, к Шарие подбежала жена староста Адушай.

— Шарие!

— Брось! — махнула рукой Шарие. — Чего там? И слышай, у вас тут наука родилась — вот вам и подарок от нас будет.

— Да, была такая случай, — улыбается Шарие, когда за закачиваю перекаса. — Только тогда у Адушайки не вступил в брак родилась. А так все правильно.

Ильбирис

Джумак пойма барса. Он привез его к курью, завернутому в овечью шкуру, привертнутому к кружку ковы. Кобы нервничал, чувствовал себя опасным груз.

Этот барс — тринадцатый барс Джумака Кулушев, заведующего

базой колхоза «Дышын». И он не хочет скрывать перед нами своей радости.

— Этот ильбирис — гордый ильбирис. Но галуха охотников сар-то-во всем дураки Джумак знает, что он не берет подкачки калканя. Он идет по тропе и не галуха под ноги — только вперед. А калкан хлывался — и готово.

Мы «рыскавали» барса и привязали его цепью к вбитому в землю шесту. Барс покоро лог на землю и с угрюмой торжой не вылез, устоялся на горбу. Ему привалили воду и молоко — но не. В нем была перывыбитый трагизм сияющего и горлого животного, плавающего свободой, и я жалея его.

— Сегодня я угожаю всех бешен. Гарманов, — зыкнул Джумак. Ильбирис увезет самолетом в зоопарк, и я получу три рубля! Молодец, Джумаки!

Кулушев — один из самых опытных и удачливых охотников сар-то-во. Он бра и медведей, и волков, и рысей. И ильбирисов, снежных барсов, которые никогда не галуха себе под ноги, а только вперед.

Субботник

Я пришел на субботние часам к шести утра. У дома Тентя Шадонова собралось уже человек двадцать. Мужчины покуривали крепчайший самосад, женщины держались особливой обсуждали свои, заказанные мужичком темы. Темы с женой хлопотали по хозяйству.

Мы заглавал суп холодной А-серовой, когда Тентя вскомла на ноги.

— Идут! Машини идут!

Я прислушался: — Да лет, Тентя, это гудят самовары!

— Пять или шесть машин идут, точно говорю. Ах, Корниенко, отец родимый!

Через полчаса во двор бавы вехали пять грузовых машин. Из главного грузовика вышла высокая, молодой еще человек.

— Са присел, — Тентя сказался бавы плуну — и не много-много бы ей оказалась на земле, — но передума, бросался навстречу Корниенко. — Сам! Вот этот بشкар-

ма, друзья-товарищи! Точка в точку попал! У нас сегодня субботник, с машинами мы село в два счета свезем.

— Субботник? — удивился Корниенко. — Так сегодня же четверги! — А то, башкарма, ты сам не помнишь? — притрунулся Тентя. — Так помолком друге. Схола ятдасити твои сена бавы свезено на базу — давое больше, чем в прошлом году. Тентя никак не мог нарадоваться.

— Не будет награда, башкарма! Не сомневайся. В поведальном утроем грузовики ушли с базы. Они успеют миновать ледники, порывали, потом начнется таяние снега, и дороба будут отрезана до лета. А strada «Нашага будет промолжать свою борбуй» — борбуй с бурнями, с падежом, борбуй за месо.

Смрты, Дикеты, Огузского района, Киргизской ССР.

чайки — белая с черной головой — и не сплетает, когда в пропывале мимно, то ли сплит, то ли ей просто лень шевелиться. Понеделье, шурша, с ходу врывается в песню. Я выткнула ее подальше на берег и иду в луг. Восье берег зарос сплюсшим лозняком и бурьяном, но туман еще не сел росой на кусты, и можно прорваться сквозь них, почти на манову.

Самое нелепое — идти на охоту в туман: ничего не увидишь и обязательно сойбьешься с пути. Но я иду просто по привычке: встречаю зорь в лугах, повинуясь тому беспокойному охотничьему чувству, которое слышнее чем заставлял поступать вопреки обычному здравому смыслу, и в этом «вропери», наверное, и есть свой смысл.

Луг сухой, твердый, выхопанный. Туман поведальное что-то там и скрывает, словно ты попал в обманчивый призрачный мир, где все предметы утратили свои привычные облик и увеличили их, только пойдя вплотную. То перед тобой вырывается степ, похоний на дом, то тупеющийся степ, то маршор выгон; перелезаешь через нее и проходишь через сонное стадо — тяжело монот и ступ, не двигаешь; переход поглядывая на тебя. Потом тупи приглядост неожиданно вознище кусты или болотца с осоной, и на знаешь, обойти их или нет, и лезешь напрямик.

Прямо из-под ног вылетает цирок. Выстрел звучит мягко, сдержанно и тут же гложит в сырое воздухе. Батный сладковатый дым долго висит над осоной.

И снова дальние в тумане. Но не помню светает, и уже лыкашится пытка голоса. Туман зарозовел — это вполне солнце, но оно еще может пробиться сквозь его плетиво. Плетиво, а туман будто стал еще гуще, он уже не дычат-сызый, а молочный.

Сонные поведальное выше, уже стал проглядывать его светлый нурион, все яснее становится воздух, прозрачнее туман, предметы обрели свои дневные формы. Удивительный, беспредельный, аспиритивный свет разливался над лугом. В этом свете не было ни тени, ни плетиво. Оно было равномерно, полупрозрачным в расстилывающемся тумане. Потом солнце пробилась сквозь матовую пленку. Его лучи наполнили воздух, наполнили туман, наполнили плывающих в воздухе росинки, и они засверкали, отразив в себе бесконечный солнечный мир.

Туман начал разрываться на клочки, клубиться и садиться на траву, на кусты, на стога, на стекла ручья, на мои сапоги. Туман бросился, лал росой.

Откуда-то потинул легкий ветерок, и все быстрее сходил туман, уносился прочь степляюще по земле обляком. Уже вась луг открылся, только дали чуть туманли и над озерцами висели клочки тумана, застрявшие в осоной. Отгорнулы голубище месь, луг засиял под солнцем — он был матовой от росы, и по нему изумрудной ленточкой текла мой след.

Луг еще безлюден, и кажется, ты в нем один, знай ходе себе в ясном сиянии утра, но все уже выдвинулось овию. Вышло на отаву стадо, за дальней стайницей в шалахах проснулись носами, посылались голоса, поднялся на небу синеватый дымок оюстра, у переправы загарался носик поджарявшего «Грузинца», за реной наберегой кричали петухи, на дебардаеве включили радио, и оно объявило мне, что новый день начался.

Нет ничего лучше этого раннего часа, пока не сошла роса. Хорвиш по чумале, лазаешь по осоной, третью овиюду шумного взрыва испуганно уткнулся крыльями. Росы так много, что, как ни старайся, вскоре вымокнешь, наешься, словно искупался в овиюде, но все равно — вессело. И ты, вымокнувший в студеной росе, когда станет новоготу, вылезашь на сухое место, обсыхашь, осматривашьшся.

Луг бесконечен, ровный, как поле, со своими овирами и кустами, уставленный бесчисленными стогами, лишь адали сиянет замаскированная полоса лесов: за реной блестят ручьи села и выдвинулись вдали, вдали сияет вымокшая вода, поднимается все выше, и печет ась сильнее, и начинается сходить обильная августовская роса.

Возвращаешься назад, и когда подождишь и берешь доноситься пароконный гудок, в ясном из-за луны показывается и сад бесконечный мир, и начинается влетения воду носовая, сияет собой полпрени.

Пароход швартовался. Я стою на дебардаеве, встает его, как добротного знакомого. У парохода в росе перила и снимники, словно пропада, от него исходит приятный туман, запах работающих машин. Он приплыв и нам издалека, и мы слышим его, слышим его, слышим его русских рек, из горюда, где я лому, и сейчас он его частица.

Внизу на море спят поволну на своих огромных бронзовых турниках — целая группа ладни и дочеката. Они до темноты, горланя песню и уснули крепиная жаровня снам на свежем воздухе. Потом они проснутой, побегут за инглитом, начнут всть со всем своим дорюном аппетитом и снова будут пить пивни.

На онах идут слушени шторы. Лишь накой-то пассажир из любознательных спрашивал, выйдя на палубу:

— Какая пристань?

Я отвечаю, но что слынет одно название, если не знать, какие здесь луга и старичи, как берет рыба, как летят по вечерам чрезу турничные стаи, как слыт в лугах росы и как Чус-десно бродить в тумане!

А, например, хорошо здесь? — говорит он, улыбаясь.

Я бы рассказал ему все, но пароход дает гудки и отправляется — один долгий и один короткий. Это далеко разности, кто по лугам. Пароход два коротких, потом три. Трап убирают, отдают конычи, и пароход медленно, боком, отваливает от причала.

Вессело плыть на пароходе — это целый дом своей знамой машины. Плыть далеко-далеко, по всей реке, выдуть новые города и деревни, сменилось луготы и лесные берега, освятительное зарило плавос и часами засыпаться на бегущую мию воду, а когда это надоест, — смываться и пить с турничками. Иные пассажиры, самые солидные и хорошие, будут сидеть в салоне на носу, распивая пивну или ступа нощишном домино, другие, напо сядишь, будут всем восклицать, бегать по палубе, шевелить фотопароход, или нощишном любулентной киноаппарату. Хорошо плыть на пароходе.

Но все же лучше жить вот там — среди лугов, у реки, где так густы утренние туманы и так обильны росы, ходить на охоту и ловить рыбу, дружить с пастухами и башкаримами, истраивать промолжать пароход, а знать, что все вокруг твою родом и нет ничего дорюне... А зори будут все свежее и росистее, ночи темнее, а промолжать пароход, луготы кусты мелче. Так пройдет август, а с ним пройдет лето.

Г. ГИЕН.

Рисуюк В. ЮДИНА.

В сентябре нынешнего года Советская страна отмечает 160-летие Отечественной войны 1812 года. Разгром наполеоновских полчищ на Бородинском поле определивший исход борьбы соку опантам, вошел в историю как великий ратный подвиг народов России.

АЭРОСТАТ ДЛЯ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Впервые авиация появилась на полях сражений в XX веке. Но, листая документы Отечественной войны 1812 года, можно убедиться, что уже тогда русское командование предпринимало попытки воздвигнуть на неприятеля с воздуха.

Вот что писал М. И. Кутузов в одном из своих писем и генералу от инфантерии Ф. В. Растворучу, бывшему в то время губернатором и главнокомандующим Москвы:

«Милостивый государь! мой граф Федор Васильевич! Государь император гонимый мне обещает, который тайно готовился близ Москвы. Можно ли и будет воспользоваться, прошу мне сказать, и как его употребить удобнее...»

Кутузов имел в виду управляемый аэростат Ф. Лапика, который строился в большой тайне. Работы велись под личным наблюдением Ф. В. Растворуча. Аэростат строился в деревне Воронцово, что в нескольких километрах от Москвы. Этот «воздушный корабль» предполагалось использовать в боях против наполеоновских армий. Однако к моменту начала сражений при Бородине аэростат не был готов.

Не уступить ни шагу

В своем «рескрипте» к Кутузову 24 августа 1812 года царь Александр I писал:

«Во-первых, принято мною за правило не производить никому и никаких награждений за дела неудачны, а во-вторых, тех командиров артиллерийских рот, у которых в сражении потеряны будут орудия, ни в каких награждениях не представлять...»

Это распоряжение царя привело к тому, что у артиллерийских начальников появились излишние опасения за боевую технику. Результатом получились отчисления. Артиллерийские ранние артеми синамался с позиций во избежание «осложнений» и не использовались в боях.

Прогрессивно настроенные начальники, наоборот, требовали от подчиненных использовать орудия до последнего. Вот что писал в своем рапорте Бородинским сравнением начальник артиллерии 1-й Западной армии генерал-майор А. И. Кутузов:

«Подтвердить от меня во всех ротах, что все о позиции не синамался, пока орудия не сядет вершок на пушки. Сидеть командирам в самом гонимом офицерам, что отяжело берясь на самом близком картежном выстреле, можно только достигнуть того, что артиллерия не уступит ни шагу своей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут все орудия, и последний картежный выстрел выслушает в упор, и батареи, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне инсупационный потерю орудий...»

Русские артиллеристы на Бородинском поле сражались именно так.

НАПОЛЕОН ПРИЧЕТСЯ

«...Я, слава богу, здоров, мой друг. Три дня уже стою в виду с Наполеоном, да так в виду, что и самого его в сарам сержу мне видеть. Его устал нельзя ни историком, теперь записывайся по уму...»

(Из письма М. И. Кутузова Е. И. Кутузовой в-полк. Мухоманову)

ПРО ФЕЯ, ФЕЛЬДВЕБЕЛЯ

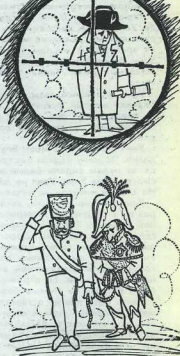
«Моя первая развратная боевая действий русские солдаты мастерство русских солдат и офицеров. Наполеоновская армия несла большие потери пленными. Идея пошла не только солдаты и офицеры, но и генералы...»

Тот один из рапортов М. И. Кутузова Александру I:

«№ 157, 1812 г. сентября 11. Главная квартира в Клерке Пнахра.

34-го егерского полка фельдфебель Золотов в невольничестве, приславши мне 26-ден августа при Бородине за взятие французского генерала Бонапарта пленного, высочайшее мне данное благодарное подорожное, о чем вашему императорскому величеству на удостоверение впоследствии представлялось...»

Резолюция Александра I: «Утвердить».

Л. КУРЗО, Ю. СМЕЛКОВ

лю, высказываясь за рун, когда Линашу удерживать дожить до, Сцена эта не просто смешная, она очень точно воплощает мысль о ограниченности таланта «счастливца». О сентиментальности можно написать много интересного. Но, кроме спектаклей, в «лучше» есть еще что-то, что трудно выразить словами — атмосфера творчества. Она во всем, и в том, что у входа нет контролера, и в сверкающем чистотой, по-современному строгим и уютном фойе, и надписи на программах каждого спектакля: После просмотра спектакля приглашаем Вас принять участие в традиционной встрече с актерами и высказать свои впечатления и пожелания». И в том, что актеры театра и главный режиссер не стали читать, пока кто-нибудь задумается о том, что нужно поглотить их маленького полководца, а занялись этим сами. Создали на общественных началах студию — сейчас в ней учатся четырнадцать человек. Учатся и одновременно играют в спектаклях театра — большинство в массовых сценах, некоторые уже получают роли. Разница в возрасте учеников педагога незначительна, но зато не мешает ни преподавать, ни учиться на дисциплине на занятиях. Вот так и ищут этого маленького театр. Сейчас завершается период его становления — актеры и главный режиссер задумываются о том, что на театральном языке называется «широкий полотно», о спекле, но не только формы, но и большого гражданского содержания, и о том, что нужно отдать под самою маленькому зрителю — поставить сценку, и еще о многих нерешенных проблемах — в подлинно творческой коллективе они возникают чуть ли не каждый день.

НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ

Истории двух театров достаточно было в кратчайшие сроки обрести себя обобщения, создавая их сопоставления судьбы маленького театра «лучше» мажорель, Газимичи, точнее, по-настоящему мажорель, судьбы эти приводят примерно к следующим выводам:

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТУРГИЯ — ДУША, ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА ДЛЯ ТЕАТРА.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НАШЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. СЕГОДНЯШНЯЯ ДИЯ ТРЕБУЮТ СОВРЕМЕННЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ФОРМ ИХ ВЫЖИВАНИЯ. РЕЖИССУРЫ, ОФОРМЛЕНИЯ, ВСЕХ КОМПОНЕНТОВ СЦЕНЧЕСКОГО ИСКУССТВА.

БЕЗ ЕДИНСТВА АКТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ И СОВРЕМЕННОЙ ФОРМЫ НЕМЫСЛИМО ТВОРЧЕСКОЕ ВОССТАНИЕ АКТЕРОВ ДЕТЕЙ ТЕАТРА — в большинстве своем молодых авторов.

Вспомогательного ничего принципиально нового. Мысли эти касаются любого вида искусства, они давно высказаны, сформулированы, беспорядочны, и справедливые их толкования рождаются подтверждаются на примере двух театров, о которых мы рассказали. Но в то же и дело, что эти правильные и хорошие мысли покажут очень редко применяются

к театру юного зрителя. Почему так считается, что (томе совершенно верные и многократно повторенные) слова о «нашем зрителе» и иному, юному зрителю, не относятся.

А он действительно вырос, юный зритель. Об этом знают все, у него есть братья и сестры, так сказать, «эпохосный» возраст и кто не раз убеждался, насколько обширные и богаче стали их интересы, их духовный мир. Знают это и министерства просвещения, постоянно иницирующие и совершенствующие школьные программы, и министерства культуры. Знают, но как-то забывают об этом.

Забывают, вероятно, потому, что одним из основных критериев оценки деятельности театра является выполнение финансового плана. В принципе это верно — если зритель любит театр, то и план выполняется. В Тюхе не совсем так. Они существуют преимущественно в городах с десятками школ, десятками тысяч школьников, которые ходят регулярно. Так что самый главный критерий выполнения плана не страдает от недостатка зрителей. Это обстоятельство благополучно. Но еще тут происходит нечто такое, что заставляет задуматься о будущем театра в истинном положении вещей.

В Тюхе, где в театре работают ребята начинают постепенно отвыкнуть от ТЮЗа. А в двадцать — все ребята, и зрители, и артисты, наши периферийные театры (и в городах, в которых есть ТЮЗы) не пользуются любовью зрителя, особенно молодежи.

Если бы в ТЮЗа ребята убежились, что театр — это настоящее, большое, серьезное искусство, то с каждым годом росло бы число людей, в жизнь которых театр вошел прочно. И тогда гораздо легче решались бы многие проблемы нашего сценического искусства, в первую очередь проблема воспитания зрителя.

А начавшись все эти проблемы именно с четырнадцати-пятнадцатилетнего возраста. С возраста, в котором он из ребенка становится взрослым, сознательным человеком.

В четырнадцать лет его принимают в школу. В это время он берет на себя большую гражданскую ответственность членом ВЛКСМ, главным из которых — борьба за утверждение коммунистических общественных отношений среди молодежи. Он чувствует, что ему необходимо знать, а что такое товарищеские отношения и женщины, и не только не знать все, что необходимо для воспитания чувства человека коммунистического.

Что помогает ему в этом? Как ему говорить о существовании мира чувств почему так считается почти непринципиальным, признавать, признавая, значение о последних достижениях в искусстве этого года? Почему так теряются при произнесении слова «любовь». Школа еще далеко не достигла своей цели в воспитании чужд.

Да, ей одной, без помощи искусства, не под силу.

Следует искусство, выполняющее эту задачу, одним из первых должен стать театр. Театр юного зрителя.

ЖЕНЩИНЫ СТИРАЮТ НА НИГЕРЕ

Н. МОСКОВСКАЯ Фото А. БЕЛЯЕВА.

ЖЕНЩИНЫ СТИРАЮТ НА НИГЕРЕ

Э то утро было такое же, как все другие. Небо без солнца серое, как будто больное. Оно еще ни отошло от ночи. Уаги разбудила Фанта. Сегодня был день Фанты. Она надела свое розовое с золотом бубу. Мамаду любил, когда жены наряжались. Уаги тоже надевала зеленое бубу и золотые браслеты, когда приходила ее очередь быть хозяйкой в доме. Праздничное бубу обильно окутывало Уаги, и она уже не так стеснялась своей худобы. Походка тоже становилась другой, плавной и гордой.

Фанта была полнее Уаги. Уаги завидовала ей, но никогда этого не показывала. Голые плечи Фанты блеснули на солнце, как жемчуга карнот.

У Уаги были острые плечи и сухие, тонкие руки. Правда, от плеча до кистей они были испещрены черточками тила, чего не было у Фанты. Этим Уаги всегда гордилась. Когда Уаги была девочкой, эти тилы выжили ей расклеванным докрасна ножом. Потом помазали архивским маслом, смешанным с золой. Уаги было больно, но она не плакала, как остальные дети. Через четыре дня все зажило.

Уаги поставила таз с бельем на голову. Сначала желтый, побольше, потом белый. Уаги знала, когда она дойдет до большого моста, придет солнце и ей совсем расчешется спясть.

Уаги любила это мест. Его построили не так давно. По нему ездили быстрые машины. Иногда за рулем сидели белые женщины. Они не смотрели на Уаги. Уаги не понимала их жизни. Но они ей никогда не казались счастливей ее.

Уаги уже не помнила, когда прошла первый раз по этой дороге. Наверное, когда стала женой Мамаду. Тогда она пришла на то место, где стирают женщины. Дорога была рыхлая от пыли и совсем голая. Деревья на ней не росли. От этого она казалась длиннее. И только в конце, около джунгальной виллы, росла большая старая нере. Ее огромные сухие стволы были похожи на пилы бивни.

Здесь Уаги всегда останавливалась. Она снимала с головы тазы и отжимала. Уаги давно выбрала это место. Здесь была тень. С соседних вилл сюда сносили разные ненужные вещи. Это было интересно. По утрам, когда Уаги шла на Нигер, свалка была совсем небольшой. Уаги хорошо видела, что здесь лежит. Она со-

бирала пустые бутылки. Фанта носила в них на рынок архивское масло. Сломанные игрушки Уаги дарила детям. Дети всегда ждали Уаги около дома. Для себя она брала старые журналы. Уаги читать не умела, но в журналах было много картинок.

Из-за забора на нее смотрели дети белых. Смотрели долго, пока Уаги не уходила. Но Уаги было все равно.

Сегодня Уаги тоже остановилась под нере. Она сняла с головы тазы. Бутылки Уаги сплела под деревом. Она возьмет их на обратном пути.

На Нигере день уже начался. К берегу подогнали пироги, доверку груженные бананами. Пироги черные, а бананы желтые. Как рыба с распоротым брюхом. Гроздь бананов носили вверх, на берег, и спускали на талиги. Солнечные лошади стояли, опустил шею.

Солнце поднялось, и было видно, как вода, мутная у берега, дальше становилась прозрачной. Уаги всегда казалась, что там она холодная и очень вкусная. Из ее глады выплывали рыбы. Свернувшись на солнце, они опять уходили глубже. Рыбы были большие — скелет.

Французы их называли «калтанги».

Уаги поспорила с Маной: Мана зягла ее привязное место. Все знало, что у этого старого коряя стирала Уаги. Мана тоже знала. Зачем она зягла? Уаги так и сказала Мана. Мана ворчала, но тазы убрала. Потом пришли другие женщины. Они не торопились стирать. Впереди был еще весь день. Матери кормили грудью малышей, мыли рубищецн постарше.

Те ворчали, когда мыло попадало им в глаза. Женщины причесывали друг друга.

Со стороны берег напоминал большой табор. В нем каждый был занят своим делом. Это место всегда привлекало туристов. Они навели свой фотоаппараты как будто на мост. Но все давно знали эту зтирость. Женщины стегивали с головы мисоро и прикрывали груди. Они не сердились, как не сердятся на несмешливых детей.

Только старая Фотомата сердилась. Она не хотела оксверять свои уста вперед и только трясла высокими кулаками. Уаги продолжала стирать даже тогда, когда фотоаппарат смотрел прямо на нее. Ей было все равно.

Женщины сплели и громко разговаривали. Уаги молчала. Она не любила говорить, когда работала... Она слушала женщин. Уаги знала все, о чем говорили женщины. У Туре родился сын. Туре плакал. Ему сказали: пойдй к русскому доктору. Туре ушел. Теперь он уехад в Москву. Там сыну будут делать операцию. Такому маленькому...

Уаги вышла на берег, разостала белье на земле. Когда она вернулась, женщины уже го-

ворили о другом. К празднику табаски Ага пришла себе бубу, такое же, как у жены президента: темное-зеленое, с золотыми клетками. Она увидела жену президента на стадионе, только Уаги не очень верит Ага. Все знало, Ага любит говорить больше, чем есть.

Уаги первая увидела Марьям.

— Смотри, к тебе бежит сестра, — сказала она Маме.

По всему берегу лежало белье, будто растелили огромное одеяло из разноцветных ступков. Марьям, как кузачки, прыгала между этими лоскутами.

Женщины перестали стирать и смотрели на Марьям. Все любилы смотреть на нее: тутже косички долькими арбуза складились на макушке и торчали так, как ростки бамбука. Марьям давно купила пасту для волос. Молодые девушки из ее колледжа этой пастой уже распрямляли волосы и делали пышные прически, совсем как у белых. Эту пасту специально выпускали во Францию для Африки. Но Амаду просил Марьям не делать этого. Паста так и лежала в коробке из-под конфет, где Марьям хранила свои украшения. Огромные глаза Марьям, даже когда она улыбалась, казались грустными. Но Марьям никогда не была грустной. Марьям была веселой. Она любила танцевать. И когда она танцевала, оборка ее коротенькой тайбасы пушилась, как мак, вокруг талии, а яркая ткань, казалось, вот-вот сорвется с ее бедер. Не было ни одной соперницы, равной ей в танце.

Марьям убежала прямо в воду. Мана закричала на нее. Но на Марьям нельзя кричать. Она набрала полные руки воды и брызнула на Маму. Потом еще, еще. Тогда Мана засмычалась и брызнула на Марьям. Они стали совсем мокрые. Женщины смеялись.

— Теперь не мешай, — сказала Мана.

— Ты думешь, я пришла, чтобы обрызгать тебя водой? — сказала Марьям.

— Она пришла стирать твоё белье, — сказала Бенту.

Марьям не смотрела на нее. Марьям говорила с Маной.

Марьям говорит, что вышла новый закон, — сказала Мана. — Марьям говорит, что теперь, если девушка захочет быть в доме единственной хозяйкой, она скажет об этом жиничу. В мэрии запишут их договор. И муж никогда не возьмет вторую жену.

— Бедный Амаду, он не успел жениться на Марьям до закона! — засмеялся Бенту.

— Они так решили давно, — сказала Мана.

— Теперь девушка должна сама сказать «да». Догитали молчат. А может сказать и «нет», — заявила Марьям.

— А что еще есть в этом законе? — спросила Уани.

— Там много, — сказала Марьям. — Теперь все будет по-другому.

— Мужчины будут ходить на Нигер, а женщины спать дома.

Ох, уж эта Биену! Все знали, что слова у нее еле держатся на кончике языка. Никто не мог ее остановить.

— А я не могу теперь из четвертой жены стать первой!

— Можешь, — сказала Марьям. — Если твой Дуау женится еще три раза.

Женщины смеялись.

Марьям убежала. Ей некогда много разговаривать.

Уани уже не слушала, что говорили женщины. Счастливая эта Марьям! У нее все будет по-другому. Уани не спрашивал никто, хочет она выходить замуж за Мамеду или не хочет. Их отец договорился об этом давно, когда Уани и Мамеду только появились на свет. А Фанту Мамеду выбрал уже сам. И третью жену, если он захочет, будет выбирать тоже сам.

Раньше Уани была такая же, как Марьям. И тогда она приходила сюда стирать. Уани сидела на этот корень и смотрела на Нигер. Женщины стирали, а Уани смотрела на Нигер.

— Ленивая жена досталась Мамеду, — говорили женщины.

О чем думала Уани! Она уже не помнит. Она чего-то ждала. Потом Уани научилась стирать, как все женщины. Она уже не сидела на корню, она стирала и слушала, а женщины говорили.

...Счастливая эта Марьям. Что еще в этом законе? Марьям говорит: много. Уани вспоминала, как однажды была в клубе на собрании. Там было много женщин. Они говорили, что надо жить по-новому. Уани нехорошо подумала тогда. «Все равно все останется, как было», — подумала тогда Уани.

Уани не остановилась около старой нере. Не знает, почему не остановилась. Белые дети играли за забором. И бутылки остались там, под нере.

МУССА

Вот и сумерки. Мусса раньше никогда не замечал, какие они, сумерки. Заезжий журналист сказал: «У вас удивительные сумерки. Они жемучужие».

Мусса посмотрел и сказал: «Яжичие». Да. Рыжие. Будто где-то далеко горит саванна. Воздух рыжий. И трава рыжая. И глиня на домах. И голубое бубу Муссы.

Солнце скоро уйдет за Нигер, и станет темно. Лица стариков сольются с ночью. О чем они говорят? Пусть говорят. О деле уже переговоры. К приезду президента все готово. Коиз хорошо придумал со льдом. Его везли из Марьялы на машине. Закутали в циновки и везли. Лед не растаял. Президент будет пить холодную воду.

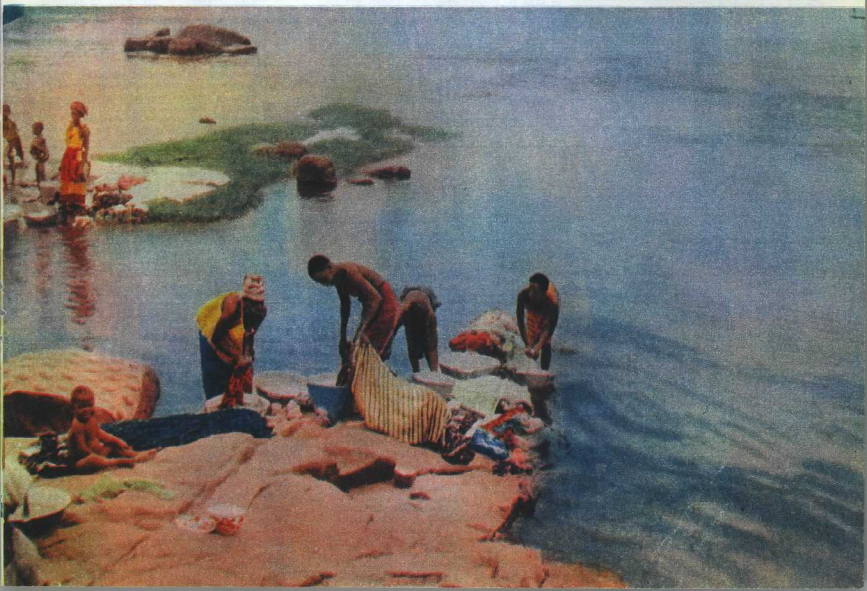
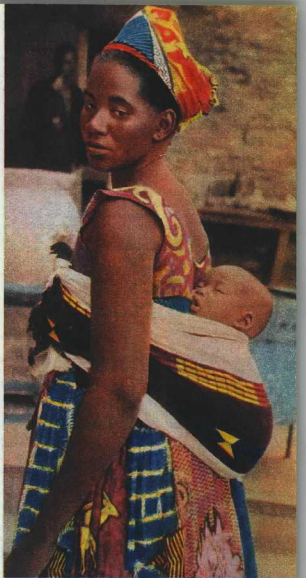
Он молод, этот Коиз. Но он хорошо придумал со льдом. И в доме из тростника будет прохладно. Мусса хотел принимать президента у себя. Но молодежь за ночь связала этот дом. Совсем близко от канала.

Старики лежат на циновках, а Мусса сидит, прислонившись к стене. У Муссы большие, крепкие кости. Они никогда не знали жира. До сих пор не согнута его спина. И широкие складки бубу гордо падают с его плеч. Огромный карман на груди похож на колючий для стрель. Карман расшит толстыми белыми нитками. Это красиво.

Женщины принесли свет. По стенам заблуждаются тени. Мусса видел, как встал Тункаре. За

Этот молодой гражданин Мали передвигается пока еще только так...

Женщины стирают на Нигере...

ним Аббу. Скоро все ушли в уланую дверь. Скорее бы утроб Мусса не любил ночь. Она всегда говорит с ним о старости. Она уже не приносит ему сна. Скорее бы утроб...

Что скажет он завтра президенту? О, ему есть что сказать. Он скажет, что прожил большую жизнь. Мало людей живет столько лет. Я выполнил свое обещание,— скажет Мусса президенту.— Канал построен.

Сорок лет Мусса думал об этом канале. Сорок лет... Тогда он начал строить. Но у него не хватило денег. Люди ушли от него. То место, где первая даба¹ ударила в землю, давно сровнялось с землей. Но Мусса помнит: это было чуть левее их нового канала.

Люди обычно ждут, когда камайн выйдет из воды на берег. Обратно он ходит всегда одной дорогой. Люди строят на этой дороге частокол — вбивают совсем немного колов. Камайн упирается в него своей длинной мордой. Камайн как-то вежде частокол.

Камайн ложится и, когда поднимается сплывце, поддыхает. Он не может жить без воды. Утром люди приходят и снимают с него шкуру. Камайн — глупое животное. Самое глупое животное на свете.

Мусса — человек. На дороге Мусса было много частоколов. Их тоже строили люди. Но не удалось им снять шкуру с Муссы.

Где Ньяма причет эти бумажки? Они давно уже стали желтым. Там стоит подпись генерала Моро. Мусса думал: почему он должен отдавать свой скот «Отечеству в опасности»? Чье отечество? Он не видел огня вокруг. Разве что жгли траву в саваннах... Мусса так надеялся на этот скот! Он вложил в него все золото. Ему тогда повезло. С Берега Слоновой Кости он вернулся с золотом и купил этот скот.

«Хорошее начело» — думал Мусса. Но кому было дело до того, что думал Мусса?

«Отечество продолжает быть в опасности» — и у Муссы забрали весь скот. Восемьдесят быков закололи на глазах у Муссы. Он сам прыгнул их на бойню. Ньяма плакала, но Мусса этого не видел. Ньяма — умная женщина. Она шила плащик к себе. Тогда она повесила на шею еще один

¹ Мотыга на короткой ручке.

Чуть-чуть кокетливо смотрит в объектив милые девочки.

григри, талисман,— от французских генералов.

Бумага теперь совсем желтая. Зачем он хранит ее? Разве он верил, что скот вернут?

Мусса сберет и письмо к губернатору. Старый Аблай сказал: — Они над тобой будут смеяться. Разве ты хочешь быть смешным?

И Мусса не послал это письмо. Где же Ньяма причет бумажки? Или давно выбросила? Мусса хотел жаловаться. Кому? Комплина «Офис до Никера» уничтожила весь лес по берегам Нигера. Нанаситыли пароходо сожрали его. Мусса помнит этот лес. Все тогда жила охотой. Там водились газели, нокороги, толстые и короткие, как баобобы. Земля без лаза совсем высохла. Она стала, как кожа старого слона. Белым было все равно. Для них это была чужая земля. Только один раз за всю свою жизнь Мусса слышал, как они назвали ее отечеством. Это когда забрали у него быков. Мусса давно уже не сердился на них за это.

— Если ты увидел лицо иностранца, значит, увидишь и его затылок,— говорил Мусса.

Мусса посадил на пустых землях ланго. Деревья уже совсем прижились.

— Мусса — хороший садовод,— говорили люди.

Таких больших садов не было здесь ни у одного белого человека. Они вырвали манго с корнем.

— Мы делили землю на кантоны, — сказали Мусса. — Ты не входил в этот кантон.

Кому хотел жаловаться Мусса? Он написал письмо губернатору. Губернатор был — черный человек. Но у него была душа белого человека. И Мусса не отправил это письмо.

Старый Аблай говорил: — Ты хочешь строить канал? Зачем?

— Я никому не делал зла,— говорил Мусса.— Я даю людям работу.

— Ньяма бакалат и чешать зад одновременно,— говорил Аблай.

Аблай ничего не хотел. Он сидел перед домом на своем пальмовом каллага² и смотрел. Каждый день он и смотрел. В доме у него ничего не было. Даже курица не держал Аблай.

— Зачем? — говорил он.— Если курица будет хорошая, все равно отберут. А за плохую я не тошу опускать глаза перед людьми. Аблай был слабый человек.

² Шезлонг из пальмовых сушек стелбей.

Новые войны — новая жизнь. Кто знает, может быть, среди этих малышей есть будущие ученые или писатели, инженеры или музыканты. Республика Мали ликвидирует неграмотность.

век. Он ничего не хотел. Только увидеть затылок последнего уходящего француза. Он так и умер лицом к дороге.

А Мусса хотел. Вле время, Мусса хотел стать богатым. «Деньги дают свободу» — думал Мусса. — И радость дают деньги». Мусса думал так всегда.

Мусса не любил французов. Он никогда не относился к ним серьезно. Французы, как женщины, быстро забывают свое слово и, как дети, никогда не знают, что делать дальше. Мусса всегда знал, что делать дальше. Но кому это было интересно?

Журналист написал статью. Газета напечатала даже портрет Муссы. Но журналист не умеет снимать черного человека. На портрете вышла только белая шапка Муссы и седая борода. А лицо расплылось черным пятном.

Журналист написал: у них нет машин.

Люди без земледельца даба и нест ет в корзинах на голове.

В Африке все ност на голову. «За свой труд они не получают ни гроша» — написал журналист.— Это труд горюшка. Мусса не думает так. Это труд людей. Им дали возможность работать на себя. Этот канал оросит их земли.

Там много написано и о Муссе. Но журналист не понял, что такое этот канал для Муссы. Он был очень маленького роста, этот журналист. Почти до локтя Мусса...

Завтра Мусса скажет президенту.

— Я прожил долгую жизнь,— скажет Мусса. Мало людей живет столько лет. Он думал, радость в деньгах. Как орел ждет запах лавина, так Мусса чухал запах денег. Он много раз за свою жизнь был богатым. Мусса не стыдится бедности, чтобы сказать это.

Мусса вздох по деревням и рассказывал людям, что даст им канал. Мусса был не один. С ним были и Аббу и Тунквер. Конз тоже был там. Он говорил с молодежью. Двадцать восемь деревьев пришли строить канал. У Муссы не было денег. А люди пришли к нему. Дети тоже пришли. Мусса спросил ту девочку, ее, какется, зовут Муссо.

— Почему ты носишь землекоп? — спросил Мусса.

Девочка смутилась, но потом ответила. Она хочет, чтобы канал построили быстрее.

— Зачем тебе канал?

Она хочет, чтобы у них было много еды. Она хочет, чтобы у нее был хороший муж. Муссо тоже носила землекоп в корзинке на голове. Все смотрели, когда он говорил с Муссо. Целый год, от дождей до дождей, строили они этот канал.

— Скорее бы утроб, ночью Мусса останется один. Совсем один. Мусса не любит долго оставаться один. Скорее бы утроб!

Завтра Мусса скажет президенту:

— Вот наш канал.

Если бы старый Аблай дожил до этого дня...

БР-Р... У мороза руки и в колючках. Хватают за нос, за щем, пробирются за воротник. Мороз скручивает в мгу сиреневый дым труб и тинет его и белесую меду, и сонную, которое равнодушно, как в пустоту, смотрит на мыс Косыгин. У мыса жальней вид. Будто он провалился в чешто-и, ссутуленившись пригорком, доикани с косогатыми осыями, шестясь и молчаливому и добродушному океану.

А я думаю о тепле. Я думаю, что, может быть, вот тут будет сад и липы с лиричной стачей, тут тут — всемирно известный курорт. Ну, скажем, «Субтропик Арктики». А там, за холмом из черного платного известняка, под огромным нависшим буяет, стоит айбур. Он будет храниться так же бережно, как на острове палтусы Древнего Египта или полтинца легендарных знамен.

Но, может быть, думаю я, потом ни не стану передвигать земную ось или отодвигать от расстояния льдов рефлекторы, собирающие в фокусе гигантскую энергию солнца!

Может быть, они используют лед, как материал в строительстве дворцов, дворцов, дворцов! Специальная внутренняя обивка, наподобие наших ковров на стенах, будет создавать в залах свой микроклимат. Не поправится, применится глазу декоративная строй радом. Быстро и дешево изготовлять формовочный блок, как мы в одну минуту ставим палатки, а залпавая вода — через несколько часов готова новые стены.

Постоять, но не слышно ли это? Лед ненадежен и хрупок. Какой не это материал? Но в том-то и дело, что лед — если не самый прочный, то один из прочнейших материалов на земле. Демонстрирует. Для этого надо лететь поближе и полюсу.

«На косыгинский проливается самолет. Широкие крылья полны-ны погружены по его вертикальному телу. На стабилизаторе в белой машине и черном фане красуется Антиситиде и ныне летает в Арктике».

Они как позавтракали в Москве, а сейчас, переживая до Восточного Таймыра, решил пообедать в Косыгин. Присоединился и идущий в столовую пилотам. Командир «Северной» — индеец, индеец невысокого роста, крепко сложенный, с лусковыми явками глазами — без лишних разговоров задаллет:

— Гужиски! Раз нужно — летим! Океан пуст, как нелинованная бумага.

Океан молчалив, как спящий великан. Океан страшит именно безграничной холодной пустыней, из которой, кажется, навеки ушла жизнь.

Проходит час. Рассказаны все анекдоты. Проходит второй — вымлет весь кофе (его варит бортмеханик в замечательном бортовом кофеинке). Проходит третий, а за дробящим иллюминатором попрежнему тинется эта ледяная бесконечность и слыпо гулит дышала, вынуждая в воздухе широкие лопасты.

Через пять часов солнце спрячется за синей полоской туч. На горизонте некоторых время еще выныривает оранжевая лютучная заря, а потом и она исчезает. Но море не налетит долго-долго цепляться за лед суверен, хотя небо уже темное, выступили на нем звезды, раскиданные по непривычным местам. Океан будто отключился изнутри, полярная звезда, которую мы обычно видим в северной стороне неба, висит прямо над верхним штурманским компасом.

Наконец самолет ныряет из тьмы неба и суверенная льдов. И мороз из-за стекла выбегает на встречу черные палатки, похожие на зонтики. Самолет, осторожно покачивая крыльями, садится на лед.

Юра, давай почиту! — кричит один из полярников. Он вбежал в самолет, едва мы успели спустить трап.

Почта — письма, бандероны, оговорные послания — быстро разбирается по рукам. И сразу же наворачивается загустевшая бочка с бензином, газовой буланы, ящиков с продовольствием и оборудованием. Самолет торопится улететь и не выключает двигателя.

Но пока бочка натиснулась по ребристым металлическим трапам, поварель в олене, но не было хотело вздремнуть, но раздувало и снова стало подниматься, забоб-

тись о своей многогрудной вахте.

Газ в Арктике лето, солнце

здесь светит почти круглые сутки.

— Дрейфуют ледяные походы,

как близнецы. Одинаковые домини

из проолифенной фанеры, за-

синевые палатки-шалашы, траншеи

тропик, проложенные в крепких,

прибитых пуграми сугробах, высо-

кая ветланическая мачта с флагом

и радиостанцией, кашемировый в

небо антеннами. Наверное, потому,

что все станции, как, как из здесь

звуют, «полярки», похожи друг на

друга, их различает просто по но-

мерам: СП-9, СП-10... В зависи-

мости от возложенных задач и со-

стояния льдыны «полярки» могут

существовать несколько лет. На

исходждении в Арктике. Аэрологи

запускают шары и крохотный

«наблюдатель погоды» собирает и

передает сведения о температуре,

влажности и влажности на больших,

иногда до 40 километров, высотах.

Гидрологи пробуривают дюжины дат-

приборов и узнают скорость и на-

правление течений, температуру и

химический состав воды на разных

глубинах. Синотитны интересуются

погодой непосредственно на

льду. Магнитологи регистрируют

состояние магнитного поля Земли.

Актиниметристы исследуют солн-

ечную радиацию, определяют

тепловую баланс Арктики. Словом,

каждый занят делом, необходимым

для составления ледовых прогно-

зов, сводок погоды. Впрочем это

дело сопряжено с жесточайшими

металлами и холодами.

Я разговаривала с аэрологом

Сергеем Зотовым и Весеи Митро-

фановым, с астрономом Юрием За-

харьковым и метеорологом Георгием

Андреевичем Холупининым — з-

имовщиками станции «Северный по-

люс-10», с инженером Ваней

Паршиным, с радистом Володей

Механиком — полнотитном

дом Никитином — полнотитном

СП-9. Многие из них зимовали по-

несколько раз. Врач Коля Мсуп-

ков, например, прямо с закрываю-

щейся станцией «Северный по-

люс-5» перешел на десанту.

Так или иначе у нас в разгово-

р всплывал вопрос, почему так мно-

го людей строятся в Арктику.

Есть ведь работа и на Большой

Земле.

Судя едут молодые парни, весе-

лые, хорошие ребята. Они полны

стремления переделать «одеяние

нить» Арктику. А чтобы ее изме-

нить, надо изучить такую, какая

она есть, — с ее пугами, с проко-

том давиущим льдом, с многоме-

стачной зимней темнотой. Когда-то

Арктика была лишь своеобразным

полемом, где испытывалась сила

и мужество. Теперь несколько из-

менился взгляд на нее. Человек

задумывается о несчастливом и

благотворном резерве богатств, хо-

чет узнать подробности, исследуя

малы и множеству, сырьевой в оле-

не, превратить олигополюсный

остров в край лучезарных городов.

По вечерам, когда затихала ра-

бота, иногда только застывшие ост-

валялись у своих приборов, в кат-

компании разгорались споры. Спо-

рны о чем угодно — о дружбе о

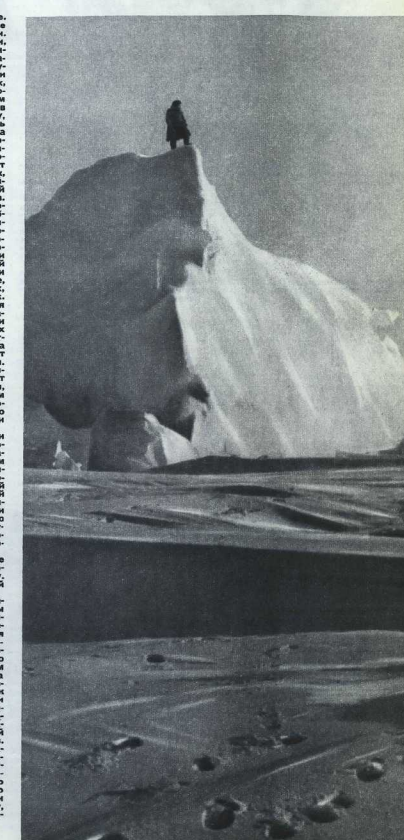
чести, о плохом и хорошем, что

каждый у нас, но почти всегда эти

споры сводились к тому главному,

чем жить или о чем мечтати эти ре-

ЛЕТЯЩИЕ ВЕНУЗИКИ ШИРОТ

Отсюда, с мыса Челюскина, улетают самолеты к дрейфующей станции.

бита. А началось примерно с такого намерзшего вопроса:

— Ну, а если все-таки растопить лед?

— Да, если растопить лед! Незабываемо человек научится управлять такой энергией, для которой мощность льда будет незыблемым источником. Такая энергия уже не туманная, как «свет далеких звезд», мечта. Сегодня, в ирайнем случае завтра, его овладеет человек.

Тогда нарушится закон равновесия! В мире все поставлено на свои места: рубят эльфов, тюленя ест медведь...

— И в самом деле, если вернуть в Арктику тепло, то все остальное может превратиться в безводные жаркие пустыни!

— Бросьте спорить! Арктика полезна и в таном виде, в каком она есть, Арктика не только преждевременные заморозки или холодные бури, но и источник влаги, облачный конденсатор, регулятор дождей.

— Как известно, неуломим закон равновесия! — Но разве наш век есть нечто неизменное? Это же один из миллионов инноваций истории! Когда-то Арктика была такой

На многие сотни метров поднимается этот лед, чтобы сообщить на станцию о состоянии атмосферы.

же лютый. Когда-то — теплой. В ларных и дремучих джунглях росли огромные палеотропы. Потом, уже на памяти человека, бродили мамонты и погибли в результате какой-то катастрофы. Значит, существовало в природе такое же равновесие!

— Голова! Кто-то превращает голод и переизбыток. Но ведь человеческие возможности неисчерпаемы. Нет предела знаниям и могуществу людей.

— Ты прав, в науке, к слову, неизбежно что-то выпадает из ряда, что-то отстает, но никогда не останавливается на месте, все приходит в конце концов к общей гармонии.

— Человек может перевернуть мир. За всю интеллигентную историю он всего лишь сорол пять лет назад встал на путь стрителства самого справедливого, самого доброго порядка на земле. И проинику в тайны всех вещей, из которых создан мир, он установит такое равновесие, какое ему по душе.

...Как бы хотелось записать все эти споры, разгорающиеся на далеких, студеных широтах! Страсти не стихают, а за тонкой стеной домика шумит полярка, и где-то далеко-далеко, как канонада боя, погромывают льды, пришедшие в движение, слышно, как тугос пощипывает флаг на ветру и стучит ноком кок в соседнем камбузе, разрубая стыловое мясо.

Запомнился мне и разговор на СП-10 с кандидатом технических наук Виталием Васильевичем Богородиным. Мы говорили о том новом, что приходит сейчас в Арктику — о радио- и геофизических измерениях, об электроразведке и ультразвуке, о реальной возможности в ближайшем будущем вместо дорогостоящих и трудных работ на дрейфующих станциях проводить весь необходимый цикл исследований со специального самолета-лаборатории. И опять же Виталий Васильевич, как и остальные поларники, заговорил о мечте — Арктике без буранов и метелей.

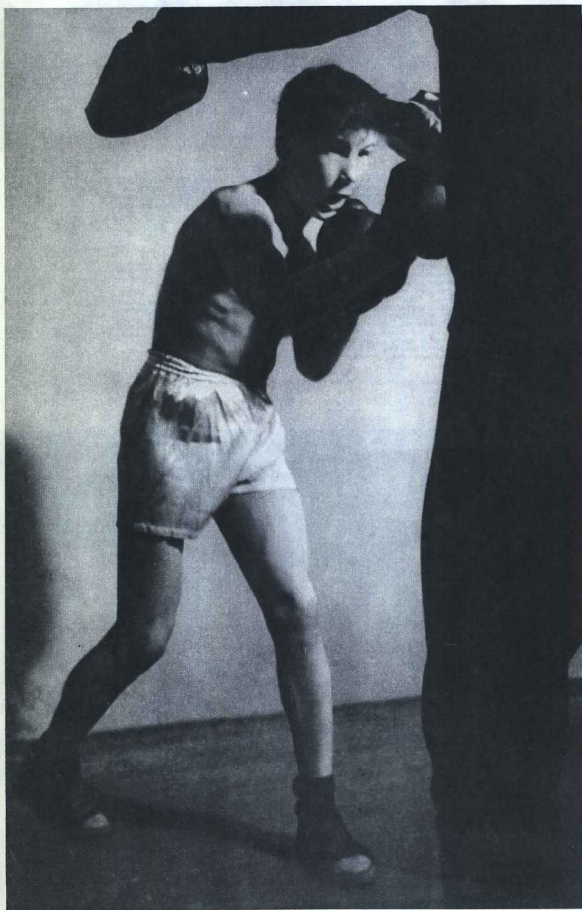

Посадка самолета с Большой земли — всегда радость для зимовщиков.

ЧТО ДЕЛАЕТ С

В. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Мне захотелось поговорить о боксе после того, как я побывал в Литве. Там я встречался с ведущими литовскими тренерами и боксерами. Беседы с ними заставили меня серьезно взглянуть на проблемы, волнующие современного бокса. А они немаловажны! Известно, что в последнее время в печати и на всевозможных конференциях много говорится о судьбах бокса. Одни считают, что бокс надо запретить совсем; дескать, вреден для здоровья боксеров и для психики зрителей. Другие защищают его. Третьи предлагают смягчить бокс,— например, запретить нокауты. Я не был согласен ни с первыми, ни со вторыми, ни с третьими. Но яности в том, что же делать, не было и у меня. Не было до поездки в Литву.

Однако прежде чем рассказывать о беседах с литовскими боксерами, мне хочется коротенько вспомнить свою собственную недолгую боксерскую карьеру. Я нахожу в ней много характерного и типичного. Прежде всего: почему я пошел в бокс? Об этом почему-то многие стыдливо умалчивают. В бокс я пошел потому, что хотел иметь «оружие» против хулиганов и вообще людей, любящих действовать «с позиции силы». Интересны результаты. Овладев в достаточной мере техникой бокса, я стал чувствовать себя, конечно, значительно увереннее, чем раньше. Но важно другое. Многие считают, что широкое распространение бокса среди молодежи только увеличит хулиганство и усилит стремление ребят решать все проблемы с помощью кулаков. Это — печальное заблуждение. Вскоре после начала тренировок кто-то, помню, меня оскорбил. И я, думая о том, как бороться с обидчиком, вдруг почувствовал, что старый, испытанный способ потерял в моих глазах свой смысл. «Ну, ударю я его — ну и что! — подумал я. — Что это докажет, что решит! Я на каждой тренировке «ударяю» и меня «ударяют», и я знаю, что эти удары значат. Почти что ничего!» И тогда я, помню, с необычайной ясностью понял, что применение физической силы для решения «проблем» в большинст-

- ТРИ ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ
- ШОЦИКАС: «Удары здоровья не привносятся»
- ПРОТИВ РАЗЯДНО-ПЛАНОВОЙ ДИХТОРИИ

ве случаев является результатом умышленного боксизма. И в том своем конкретном случае решительно откинул мысль о вручении прикладства. Думаю, что подобно «бесконианин» кулачных аргументов знаком большинству начинающих заниматься боксом.

А теперь расскажем, почему я ушел из бокса. Дело в том, что с некоторой поры я стал задумываться о последних. «Так ли уж безвреден регулярный «мажор» головы кулаками, как это считают ярые приверженцы бокса?» — спрашивал я себя. И для размышлений эти я получил весьма серьезные «толчки» со стороны моей боксерской практики. Уже вскоре после начала тренировок, а тренировался я у заслуженного мастера спорта Бульчува, в «Юном динамовце», меня стали выпускать на ринг против самых разных по силам и опыту боксеров. Одного из них, новичка, я нокаутировал, а другие более опытные боксеры, наносили жестокие удары мне самому. Я узнал, что также составные «грозны», и до сих пор помню, как после одного особенно хорошего удара долго знобело у меня в голове, словно в ухо мне вставили гвоздик. Конечно, некоторые могут подумать, что я испугался. Но дело не во мне, а в том, что действительно никто не может, оставаясь до конца искренним, утверждать с уверенностью, что частые сотрясения головы совершенно безвредны для такого тонкого аппарата, каким является наш мозг.

Популярнее в этом отношении и спортивная история литовского боксера Альгирдаса Шоцикаса. Всем известно, что Шоцикас был одним из лучших мастеров ринга во всей истории нашего бокса, что неоднократно становился чемпионом Европы. Известны и его неудачи: поражения в Хельсинки от южноафриканского боксера Нимена, на молодежных играх — от римлянина Чиньотари и на первенстве Союза — от своего земляка Юшкенса. И все три с нокаутом. Однако гораздо хуже известно нам спортивная карьера Шоцикаса и ее конец.

Шоцикас было 17 лет, когда его приматили тренеры. До этого он занимался футболом. Не про-

шло и года, как Альгирдас уже был выпущен на всесоюзный ринг, чтобы защищать честь республики. На не сформировавшегося и не окрепшего еще — и в спортивном и в физическом смысле — юношу обурлили свои мощные удары такие громогласеры ринга, как Навасардов, Юрченко, Королев. Особенно тяжело приходилось ему в боях с двумя последними. Пять раз послал его в нокдаун Королев во время одной из перерывов встреч. Шоцикас выстоял, не потерял уверенности в своих силах и в последующих встречах победил всех своих грозных соперников, завоевав звание первой перчатки Советского Союза, а следом за тем и Европы. Но остались ли бесследными тяжелые удары Королева и Юрченко. Шли годы. Шоцикас на весь мир прославился своей техничностью, никто не мог выиграть у него по очкам. И вдруг нокаут — один, другой, третий... В нем же детло!

Вот, например, бой с Юшкенса — а финал первенства страны в Москве. Превосходство Шоцикаса ни у кого не вызывает сомнений. И концу второго раунда залочек так велик, что исход боя предreshен. Шоцикас атакует. И вдруг один из немногих контрударов Юшкенса, пропущенных Шоцикасом, повергает его на пол. Судья на ринге ведет счет, но Шоцикас без движения. Нокаут! И очень тяжелый.

Шоцикас плохо держит удар, — говорили боксеры.

— А мы подозреваем, — говорит Чеслав Балчунас, нынешний государственный тренер республиканский, — что это следствие тяжелых ударов, полученных Шоцикасом в начале его спортивного пути. Слишком рано выпущен его на большой ринг.

Вернемся, однако, к Шоцикасу. После каждой неудачи он находил в себе силы возвращаться на ринг и снова одерживать победы. Никогда бы боксером, чтобы пожить, сколько воли и мужества надо для этого иметь. Ведь речь идет не о поражениях по очкам, а о нокаутах! Поднялся Шоцикас и после нокаута от Юшкенса. Через 19 дней снова стал сильнейшим тяжеловесом страны — победителем первой Спартакиады народов

СССР. Но вот подошло время отправляться в далекий Мельбурн — на Олимпийские игры. И любители спорта увидели замечательного имени Шоцикаса нет в списках кандидатов. Шоцикас после совещания с врачами навсегда оставил ринг. В это время ему исполнилось лишь 20 лет. Естественно, врачи запрещали ему выступать уже после третьего, юшкаевского нокаута, но он на злодатель ушел с ринга последним.

Восхищение вызывает мужество Шоцикаса. Но вряд ли может вызвать такое же восхищение его история как боксера.

Итак, и без боя плохо и с боксом плохо? Что же делать?

Как я уже говорил, до поездки к литовским боксерам у меня не было много ответов на этот вопрос. Но в одном я был уверен: бокс, как элемент общей физической подготовки молодежи, не только не должен быть снят, но, наоборот, должен быть признано. По словам элемента и подразумевает тренировку на снарядах (груши, мешки, лапы) и легкие боксы в мягких перчатках. Например, в перчатках с воздушными подушками, изобретенных недавно киевско-финским тренером. Но что делать с настоящими боксами? С боксом как со спортом? Вады в печати пишут о том, что и поездки на ринге (а не только тренировки) можно проводить в защитных масках и в сверхмягких перчатках. Не случайно один из перерывов, когда я зашел к литовским тренером, был вопрос об этих масках и перчатках.

— Так, наверное, и будет, — отвечали старший литовский тренер Антонис Заборос. В двадцатидесятом веке дрались голыми кулаками. Теперь боксируют в войлочных перчатках. Переходит и к маскам. И к воздушным перчаткам.

— Нет, — сказал Шоцикас, — из-за защитных масок и надутых перчаток ничего не выйдет. Борьбу не существует, а защитный и в яряд ли когда-либо будут прекращаться. То же и с перчатками. Если и допустить, что такие маски и перчатки когда-либо изобретут, то их применение бокс превратится в беспорядочный обмен ударами, в драку, ибо никто не сможет защитить себя.

— Надо идти по пути предложения нокаута, — сказал государственный тренер республиканский Чеслав Балчунас. По этому пути наш бокс уже идет. Прекращение боя при явном преимуществе одного из боксеров или после второго нокаута. Прекращение боя ввиду отсутствия интереса, наступившего на ринге боксерам, которым нет еще 17 лет, и вообще всем новичкам без предварительного шестимесячной подготовки. Запрещение астрон боксеров, разряды которых растут более чем на единицу. Например, мастера спорта с второразрядным. Наконец, более тщательное обучение защит.

Во все эти пути,

— Но по этому пути нам вряд ли удастся далеко продвинуться, — возражает Шоцикас. — Главная опасность — переград — это подготовка разрядников и мастеров, лежащий в основе работы спортивных обществ. Количество разрядников растет. Школьный тренер за отчетный период, и места, занимаемые его воспитанниками в соревнованиях, — главные

и единственные показатели тренерской работы. Они доводят над тренером и заставляют его форсировать подготовку.

— На тренировке, — поясняет Шоцикас, — злоупотребляют жесткими, максимально приближенными к боевой обстановке спартакиадам, но в рамках ударно-обучающей защите, начинающих боксеров часто выпускают на ринг без серьезной подготовки и раньше срока, надеясь, что и разряды присылаются успешно, вырываются, темпами. Форсированные, жесткие методы подготовки причиняют не только ущерб здоровью, но и приводят к огромным, по моему мнению, успехам, то есть уменьшают массовость бокса. Примерно на ста новичков в секциях через год остается пять! Ни в каких других видах спорта не знают такого отбоя.

Вот что сказал Альгирдас Шоцикас. И никто из его коллег не смог ничего возразить ему. А ведь это был тренер, воспитанник которых славится своей техничностью и хорошей защитой. В республике с трехмиллионным населением и с подготовкой команды, которая на последнем первенстве страны заняла четвертое место и завоевала две золотые медали (Р. Тамаулис и Д. Позняк).

Слушая Шоцикаса, я вспоминал о положении дел в других видах спорта.

Вспомнил, как на всесоюзных соревнованиях в Ленинграде, в которых маститые тренеры длинными и прозрачными канаровыми нитями привязывали к мотоциклам велосипеды своих воспитанников, и как в московском теплом весте их к званию мастера спорта! И для меня стало очевидно, что если вопрос о спортивной подготовке не решен, то вопрос о ликвидации «разрядного планирования» в боксе ясен, как божий день. Разрядное планирование, обусловленное самой своей сущностью, приносит большой вред — и моральный и физический — во всех видах спорта. Но в боксе оно особенно нетерпимо. И бокс надо от него освободить в первую очередь. Укрепление своего здоровья, увеличение запаса бодрости и повышение спортивных результатов — величайшие и постоянные стимулы для настоящего спортсмена, а что сверх того, то от лукавого.

Я, конечно, предвзвешивая возражения: как же можно будет превратить и оценивать работу тренера без сведений о количестве подготовленных разрядников и мастеров? Да, действительно, превратить будет труднее — придется наше вылезать из кабинетов и чаще ездить по спортивным залам! Но зато это будет настоящая проверка, а не бюрократическая цифра. Впрочем, есть одна цифра, которая важна и должна служить показателем работы тренера. Это цифра отбоя тренирующихся. Она должна быть как можно меньше.

Подытоживая все, можно сказать так: надо освободить бокс от разрядно-планового планирования и форсированных методов подготовки. И не только смягчать перчатки, но и «попешить», как безразлично к Шоцикасу, — «корнить» наших боксеров, так и у нас, всетаки зря людей не привносятся.»

ДОСАДЫ

адресист

Б. ТКАЧЕНКО

Васю Семечкина без нота отменяли от дача. То перед носом начинала мушкетера надоедливая муха, то в комнате понадеялась жена Надя и желавшая на соседку.

Сыными этой старей психикатие, чтобы не распоркилась на кухне — требовала она. — Как чужой лук из кошенили таскать — она первая, а как кастрюлю ее отодвинули, так сокотите, пока-пустится!

— Плону ты на нем, — соватовал Вася, не отрывался от чертенной своего рапридрюдения, над которыми копил уже несколько дней.

— Я уже плонула. Теперь она требует, чтоб мы ей веревку ввернули. Пойдем, я сынуша наше беда, а ты ей отдашь веревку. Я ее видеть не могу!

Семечкин со злобство бросал на стол циркуль и шел во двор от-

ставив семейную часть. Ох, уж эти квартирные склоны!

Недавно после смены приятель Вася, заводской грузчик Коста Месодуб, пригласил его к себе.

Дверь им открыла Зина — жена Месодуба. Она принавала и груди рижую кошку, и гневные слезы текли по ее лицу.

— Что решил? — поинтересовался Коста.

— Печального меня опять Мирук инглитом ошпарил!

— Вылезай, — пошучивал Коста.

— Что бывает? Думаешь, она нечаянно! Ты в прошлом году же Тузика дверью придавил!

— Ну!

— Вот она и мстит нам за это. — Сами вы тузик! — вдруг разозлился Коста. — Ляются всем двором. Понон от вас нету!

Зина швырнула кошку на пол и

вышла из комнаты, оглушительно хлопнув дверью.

— Посиди-на, — сказал Семечкину Коста после тишайной паузы, — я скоро...

И тоже вышел из комнаты.

— Ничего, утешай себя Вася. — Вот скоро завод начнет новый дом заселять — и будете здоровы, соседкуши! Квартиры там малосемейные, все свои, заводские. Мир будет и дружба...

А через месяц на заводе праздновали новоселье. Вася Семечкин и Коста Месодуб попросились в одну квартиру, и заводоуправление их просьбу.

По новобортовательной двухкомнатной квартире гуляло солнце. Коста со счастливым смехом бахтался в ванной, а Вася, бочуи не в силах поигнугу баллон, часами наслаждался высотой. Надя и Зина с первого же дня знакомства савалили себя нежной дружбой. Когда Надя просила у Зины кастрюлю, та передавала ей два. Если Зине требовались деньги, Надя отдавала ей последние.

Миния потечила в мир и понос, Вася саваривных сосисей и народных мух. Коста вильнуло часть свободного времени проводил в ванне. Вася посетил себя рационализаторскими идеями и целыми вечерами терзал ватман циркулем.

И вдруг в комнате занукавала муха. Вася удивленно проводил глазами междунную гостюю. «Откуда же ее занесли?» — недоумевал он.

В это время в комнату вошла Надя и сказала:

— Потом, — отмахнулся Вася.

— Потом туда Коста залезет и будет все медлено сидеть.

Вася пононорю взял циркуль и вышел из комнаты. Коста винуи от вернулся и кратко сообщил:

— Занята. Коста купается.

— Ну вот! — воскликнула Надя. — Дождались! Опять мы долгие ночью водными процедурами занимаемся!

— Ну, завтра пораньше встану, ванна беда!

— Почему ты? Почему не он? Чем ты хуже его?

Семечкин с досадой махнул рукой и опять сел за свой чертень. Но не успел он провести окурноку, как услышал крики на кухне. Он встал и с утешением садясь отравлялся и месту конифанитца.

На кухне шла классический коммуналный диалог:

— Май тощи убирать за собой, а твой только грязь в квартиру разводит!

— Ванна негржай!

Из ванной вышел мокрый и прасмай Месодуб с полотенцем на плече.

— Кмш! — свирепо зарычал он. Не теряя времени, Семечкин встал между готовыми сценитьца хозяйками и начал отгнать свою супругу и выходку. Коста мгновенно загнал жену в угол. Физическое столкновение было предотвращено.

Через несколько минут в квартире стало тихо. Только в кухне капала вода, а из-за плотно прикрытых дверей доносились глухие рыдания вчерашних подруг.

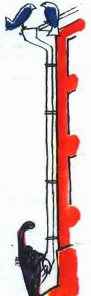
С этого дня слезавя Семечкин начал познать горечь творческого бесплодия. Он, как не стался, уже не мог светить на ватмане икон.

Коста Месодуб, по-видимому, тоже страдал. Он перестал принимать ванну, ходил пыльный и неупуленный.

Над обитателями квартиры висела тинелая тишина. Все домохозяйки с лицами непрозрачными, как пергаментная бумага, по-

Рисунок А. Грачева.

Интересно, что они обо мне говорят? Рисунок Ю. Грушина.

До сеанса

...и после.

Рисунок Л. Караваяева.

ПИШТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:
 Москва, Б-66, Спартановск, 2-а.
ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНОМ:
 Коммутатор Е 1-70-20.
 Для справок — доб. 2-42; отделы литературы и искусства — доб. 2-15; обертка и публицистика — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — Е 7-65-82; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; газеты и журнала — доб. 4-78; оформления — Е 7-51-32.

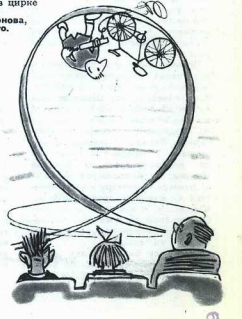
Первая страница обложки Боевая тревога. Матросы осмотровой группы Вилстр Шестриков и Вилстр Платинов готовы и высадке. (Начало документального рисунка о морских подвизничестве «след» обрывается у моря... см. на стр. 3.)
 Фото В. МИШИНА.

Главный редактор А. В. Никонов.
 Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Домогатовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кометов, В. Л. Разуминский [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчиков, А. А. Сокин, Б. И. Степанов.

Художественный редактор А. Б. Стуков.
 Оформление В. Недогонова.
 Технический редактор Н. Будкина.
 А 00137. Подписано к печати 19/ИВ 1962 г.
 Тираж 800 000 экз. Изд. № 1282.
 Заказ № 1922 Формат бумаги 70х108/8.
 2 б. л. — 5,49 п. л.

Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. П. Павлова, Москва, А-47, ул. «Грядущая», 24.

зались на кухню и молчали. Словно в данной обстановке могла сыграть роль спички при сжижении газа и привести к взрыву? Варвар пронюхала, когда Вася Семечкина не было дома, Слесаря в это время медленно брел с работы с тоской созвонял, что и этот суботний вечер и грядущий воскресенье ему предстоит провести в обстановке напряженных междоусобицных отношений. По мере того как он приближался к дому, в нем поднимался протест: «Нет! Нельзя терпеть в новом доме старые порядки!»

Когда открыл дверь, Вася перешагнув порог, температура в помещении уми достигла критического Уровня.

В дверях миссодубской комнаты стояла пылающая Нада и, побочиваясь, начала соседке:

— Благодаря богу, что ты тебя в прошлый раз мужик аступился! Я бы тебя проучила! — притворилась испуганной, отвечала Зина — А ну, попробуй, проучи!

Неряя времени, Нада аступила на мужику территорию...

— Сейчас или никогда? — рещил Вася. Он победил и двери миссодубской комнаты, принимая е печюч и два раза повернул торчавшей в замке ключом.

На каньюто секунду Вася подумал, что поступи нехорошо: он не любил наносить ударов и спичку. Но отступать было поздно. За дверью поднимался отчаянный визг. Потом в нее одновременно забарабанили четыре железных руки.

Вася вынул ключ, спужо его в карман и ушел на кухню. Он рещил быть твердым.

Крики и удары за дверью продолжались еще долго. Потом на кухню появился удивленной Костя Мисодуб, только что вернувшийся с работы.

— Чего этот — спросил он. — Заперлись и кричат. Чудно слышно.

— Я их сам запер, — сознался Вася. — Спичкой поиничит.

Костя долго постигал смысл сказанного и вдруг, просияв, пропятил слесарю свое слово:

— Дай пить! — восхищено сказал Костя. — Правильный ты пацан! Рациональный!

Удары в дверь стали громче. Теперь в нее колотили чешю тумельным.

— Открой дверь, говори! — услышала Вася голое мячанье. — У меня григор в дуэноне!

— Не волнуйся, вынул, — сказал Семечкина и, вернувшись на кухню, открыл духовку.

Потом он с Костей ушли в кино.

Когда оба мужика вернулись, за дверью Костяной комнаты слышался рыдания.

— Вот мы и дома, — усноила женщина Семечкина.

— Васенька, отвори, пожалуйста! — точно же услышала он голое мячанье. — У меня григор в дуэноне!

— Сейчас будем уининать, — объявил Вася.

На кухне Костя только разрезал пирог, испеченный женой Семечкина, а Вася быстро сконструировал приспособление для нормирования мени в условиях домашней обстановки. Он достал старую коробку изпод черта, уложил в нее кусочек пиорога и привязал норовку и длинной шнуре. Затем он вышел на балкон и позвал:

— Эй, подойдите к окоу кто-нибудя!

В соседнем окне сразу же появилась заплаканная лядя узниц. Оно распахнуло, и Вася протянул им монечку щети.

— Откашай! — скомандовала он. — Чай передать не могу. И так соедят...

Потупиная, Вася и Костя пределили отапку. Теперь все было так же, как в первые дни после новоселья. Костя долго и безмятежно предавался ваюню. Вася тихо сидел за чертежами. Впервые после долгого передряга мужики менили в обстановке покоя и вива. Спать они улеглись вместе на сутоулоном ложе Семечкиной.

Утром Костя Мисодуб растолкал Васю и, привстав на коленукам, поканил его за собой. Выгляд в коридор, Вася увидел и двери приоткрытую и за которой стояла женщина. В комнате на широкой ирорачке мирно обивались, спали молодые женщины.

— Ну что? — спросил Костя. — Можно брат на партию?

— Можно, — ответил Вася и с размаху приоткрыл дверь, увидев сидевшую на стене ту самую неведомую как попавшую в дом единственную музу...

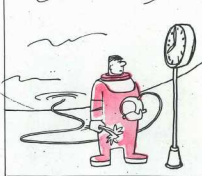

Рисунок В. Арсеньева.

Рисунок В. Недогонова по теме А. Уининкина.

КРОССВОРД

Составил В. ИНИЦЫН, Магаданская область.

По горизонтали:

7. Один из центров угольного бассейна в Восточной Сибири; в Советский аннолонецества, победительница второго международного конкурса имени П. И. Чайковского; 10. Картина С. А. Григорьева; 11. Новый город в Казахстане; 12. Восточносибирский олень; 13. Поэма И. А. Нанасова; 16. Концентрационное пеночное маэрон; 19. Поэт-революционер; 20. Музыкальный термин; 21. Удар по ваюню; 25. Раздел педагогики; 27. Союзные северного неба; 28. Пастораль; 32. Инструмент для вымывания; 33. Зобатый аист; 34. Дюна; 35. Метод смешивания красок; 35. Минерал, кальевое удобрение; 36. Круглая морская птица.

7	8	2	3	4	5	6
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18	19	20	21	22
23	24	25	26	27	28	29
30	31	32	33	34	35	36
37	38	39	40	41	42	43

По вертикали:

1. Балет П. И. Чайковского; 2. Персонаж повести М. Гаршета «8 января»; 3. Осуществление замысла, стремления; 4. Загрязнение, испорченное качество; 5. Динам удар; 6. Ценный радиоактивный элемент; 7. Землеустройство-геоурчало-вая машина; 14. Часть претовоического охранителя; 15. Ворья; 16. Прибор для измерения скорости и индентива по протеканию потока газа; 18. Уступ на склоное долины; 17. Советский архитектор, работавший в Азербайджане; 22. Птица; 23. Единственный веретинный дух Углю; 24. Драгоценный камень; 24. Литературное музыкальное произведение; 25. Строительный материал; 28. Автор песни «Снегу, товарищам, снегу»; 29. Одна из ведущих естественных наук; 31. Синтетическое волокно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

5. Валерий Г. Коняратов; 6. Комитас; 10. Плевнин; 12. Титов; 13. Вогуй; 15. Источия; 17. Ауинион; 18. Иовант; 19. Заводск; 22. Ретинион; 23. Аветист; 24. Артушом; 25. Васильев; 27. «Авенто»; 30. Стоунца; 33. «Добасс»; 34. Кирель; 35. Артинку; 37. Витва; 38. Триер; 40. Аллегор; 41. Силхука; 42. Романтика; 43. Омюинца.

По вертикали:

1. Сомов; 2. Явунти; 3. Ангра; 4. Арпин; 5. Фунинур; 6. Несенин; 7. «Нанталт»; 8. Резултат; 9. Коинцот; 11. Ноканри; 14. Володковскис; 16. Консерватор; 18. Зависав; 20. Адмирал; 21. Атанам; 25. Калорифер; 26. Сумбава; 28. Инагара; 29. Обозреанин; 31. Оструга; 32. Иннаско; 35. Англия; 36. Лондон; 38. Алтай; 38. Тувап.

Порывистый ветер раздувает высоко взметнувшийся парус. Гудят от напряжения натянувшиеся струны штурвал. Валится набок корпус. Кажется, еще секунда — и легкий, как птица, кораблик опрокинется. Но экипаж не дремлет! Бросок на другой борт — и крен, достигший предела, прекращается. Уравновешенная яхта продолжает нестись вперед.

Нужно обладать недюжинной силой воли, выдержкой, мгновенной реакцией на всевозможные неожиданности, чтобы удержать на курсе яхту.

Вот он, спорт смелых!

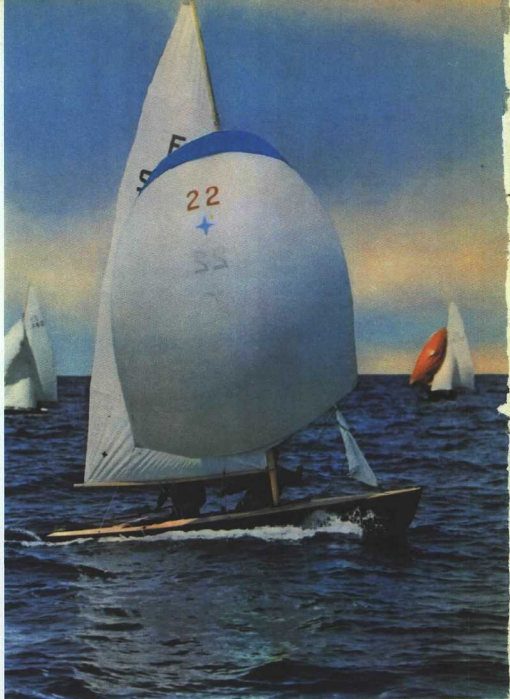
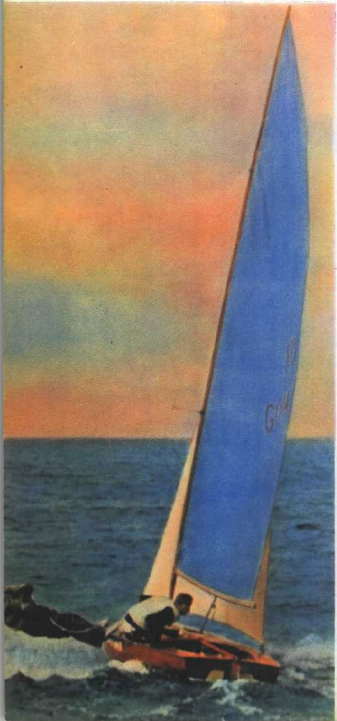

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА.

Цена номера 20 коп.